

СТАТЬИ

Н. Г. Жекулин

ТУРГЕНЕВ В КРУГУ СЕМЬИ ВИАРДО

Сейчас четверть восьмого вечера, дорогая госпожа Виардо; в эту минуту вы все собрались в гостиной, вы музицируете, Виардо дремлет у огня — дети рисуют — а я, хотя сердцем я тоже с вами в этой столь любимой мною гостиной, собираюсь поспать еще немного, если удастся <...>

*Письмо Тургенева к Полине Виардо
от 2 (14) января 1864 г. из Берлина*¹

...все эти воспоминания, все это прекрасное время (возможно, лучшее в моей жизни) <...>

*Письмо Тургенева к Клоди Шамро
от 1 (13) августа 1882 г.
о «баденском периоде»*²

В августе 1857 года, во время первой поездки за пределы России после своей ссылки, Тургенев написал Н. А. Некрасову из имения супругов Виардо Куртавнель: «Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого».³ Но прошло несколько лет и все

¹ «Il est 7 heures ¼ du soir, chère Madame Viardot — dans ce moment vous êtes tous réunis au salon, vous faites de la musique, Viardot sommeille au coin du feu — les enfants dessinent — et moi, dont le cœur est aussi dans ce salon bien-aimé, je me prépare à redormir encore un peu si s'est possible <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 243, 366).

² «...tous ces souvenirs, tout ce bon temps (peut-être le meilleur de ma vie) <...>» (*Lettres inéd.* P. 290). Переводы иноязычных цитат, кроме особо оговоренных слу-чаев, выполнены Н. П. Генераловой (*франц.*) и В. А. Лукиной (*нем.*).

³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 251. Письмо от 12 (24) августа 1857 г.

изменилось: когда в 1863 году семья Виардо решила покинуть Францию и поселиться в Баден-Бадене, Тургенев принял решение следовать за ними. В Баден-Бадене «чужое» гнездо станет «своим».

О «баденском периоде», который Тургенев впоследствии считал самым счастливым в своей жизни, сохранилось значительное число мемуарных свидетельств членов семьи Виардо, а также друзей и знакомых как писателя, так и Полины Виардо, в том числе мало или вовсе не известных. На основе этих сведений мы попытаемся составить непосредственное представление о том, как Тургенев участвовал в жизни семьи Полины Виардо — женщины, которую он не только высоко ценил, но которой неизменно восхищался.

Баден-Баден

Идея покинуть Францию и переселиться в Германию возникла в семье Виардо еще в 1861 году. Сценическая карьера Полины Виардо приближалась к концу. С ноября 1859 года в парижском Théâtre Lyrique (Лирический театр) шла опера Глюка «Orphée et Eurydice» («Орфей и Эвридика») в редакции, специально адаптированной для нее Гектором Берлиозом. Это был последний и, пожалуй, самый большой ее триумф; всего за два с половиной года состоялось около 150 представлений! Вскоре после премьеры Полина подписала официальную доверенность, которой уполномочила друга и семейного врача Александра Фриссона (Louis Alexandre Adrien Frisson; 1822–1882) продать любимый Куртавнель.⁴ На лето семья Виардо поехала в Баден-Баден. Луи и Полина были намерены (очевидно, вопрос обсуждался и с Тургеневым) купить себе участок земли где-нибудь в Германии, который мог бы приносить доход. На месте идея оказалась не столь удачной, и было принято решение приобрести дом в самом Баден-Бадене. Об этом Луи Виардо написал Тургеневу, в надежде убедить его последовать их примеру, заманивая его их общей страстью — охотой:

«Нам показалось, что в таком случае следует, не отказываясь от нашего проекта, придать делу иной оборот. Вместо того чтобы создавать трудности с недвижимостью (имея столь малый доход) в стране, где я не знаю ни языка, ни законов, ни обычаев, вместо того чтобы похоронить мою жену и детей в деревне в провинциальной глуши, не лучше было бы приобрести только жилище, оставив для помещения капитала более подходящее место; и приобрести это жилище в хорошем месте, соединяющем преимущества свет-

⁴ См.: *Waddington Patrick*. The Strange History of Dr F. and the Dismantling of Courtavenel // *Modern Language Review*. 1970. Vol. 65. N 2. P. 341.

ской жизни и уединения и представляющем то единственное, о чем я, как и вы, пекусь, когда речь идет о выборе земли, то есть о легкой, хорошей и разнообразной охоте? Другими словами, не лучше было бы купить просто *виллу* в окрестностях Баден-Бадена? Вы знаете эти места и все их привлекательные стороны. Мы можем там ежедневно видеть столько же народу, как и в Париже, а углубившись в лес, мы окажемся в глуши. Обе эти крайности равным образом нравятся моей жене, Луизе, детям. Все в восторге от пребывания здесь. Что до меня, то у меня есть уверенность, что здесь можно будет вволю поохотиться. <...> Я несколько пространно остановился на этой теме, полагая, что наш пример может вам пригодиться. <...> Я мог бы даже, в ожидании вашего приезда, сам подыскать что-нибудь и подготовить для вас почву <...>».⁵

И в самом деле, прежде чем вернуться в Париж на последний зимний сезон, Виардо купили себе дом в швейцарском стиле на окраине Баден-Бадена, в районе Thiergarten (Зоосад). Тургенев прибыл в Баден-Баден на обратном пути из России в Париж 21 августа, пробыл там больше двух месяцев и, по собственным словам, «жил очень хорошо: видался постоянно с моими старинными приятелями <Виардо. — Н. Ж.>, разъезжал, охотился, читал — и ничего не писал сам. Край здесь прекрасный <...>».⁶ Но никакой недвижимости он тогда не купил.

Последнее представление «Орфея и Эвридики» состоялось 24 апреля 1863 года. Младшим детям Виардо было разрешено хотя бы раз уви-

⁵ «Il nous a semblé dès lors qu'il valait mieux, sans renoncer à notre projet, lui donner un autre tour. Au lieu d'avoir les embarras de la propriété (avec un si faible revenu) dans un pays dont je ne sais ni la langue ni les lois, ni les habitudes; au lieu d'enterrer ma femme et mes enfants dans un village au fond d'une province, ne serait-il pas préférable d'acquérir seulement une habitation, en gardant un meilleur placement des capitaux, et de l'acquérir dans un beau pays qui réunirait les avantages de la société à ceux de la solitude et qui me donnerait la seule chose que j'ambitionne, comme vous, dans la propriété foncière, une chasse facile, bonne et variée? En d'autres termes, ne serait-il pas préférable d'acquérir simplement une *villa* autour de Bade? Vous connaissez ce pays et ses agréments de toute nature. Nous y voyons chaque jour autant de monde qu'à Paris, et, si nous nous enfonçons dans les bois, nous sommes au désert. Ces deux extrêmes plaisent également à ma femme, à Louise, aux enfants. Tous sont enchantés d'être ici. Quant à moi, j'ai la certitude d'y trouver la chasse à cœur joie. <...> Je me suis étendu un peu longuement sur ce sujet parce que j'imagine que notre exemple pourrait bien vous servir. <...> Je pourrais même, en vous attendant, faire quelques recherches moi-même, et vous préparer le terrain <...>» (Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky // *Cahiers*. N 24 (2000). P. 220–221. Далее: *Corr. IT—LV*). Письмо от 3 июля 1862 г. Здесь и далее, если не оговорено особо, все даты указаны по новому стилю.

⁶ *ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 118. Письмо к Е. Е. Ламберт от 7 (19) октября 1862 г.

деть свою мать на большой сцене. Об этом написала матери почти одиннадцатилетняя Клоди, сопроводив свое письмо, по обыкновению, рисунками, в которых уже угадывался талант:

Ma chère maman,

Nous sommes tous bien heureux d'aller ce soir à Orphée. Je te promets que je dessinerai tout ce que j'aurai vu. Je voudrais déjà être à ce soir, pour t'admirer, et regarder ta belle figure <рисунок> que tout le monde en te voyant reste ébloui. Ne crois pas que je te flatte, car jamais je ne pourrai te prouver comme je t'aime aussi que notre papa <рисунок>. Je vais te faire un petit dessin car je sais que cela te fait plaisir. Ma chérie maman je t'envoie mille baisers bien tendre.

Claudie Viardot.

Le 24 avril, 1863, Paris.⁷

Перевод:

Дорогая мама,

Мы все очень счастливы побывать сегодня вечером на «Орфее». Обещаю тебе нарисовать все, что увижу. Я хотела бы уже по той причине также быть на этом представлении, чтобы любоваться тобой и видеть твое прекрасное лицо <рисунок>, восхищающее всякого, кто видит тебя. Не думай, что я лгу тебе, потому что никогда не смогла бы тебе доказать, насколько я тебя люблю, как и нашего папу <рисунок>. Я собираюсь сделать для тебя маленький рисунок, потому что знаю, что тебе это нравится. Моя милая мамочка, посылаю тебе тысячу самых нежных поцелуев.

Клоди Виардо.

24 апреля 1863, Париж.

Сразу после этого представления семья Виардо окончательно переселилась в Баден-Баден, где прожила до 1870 года, когда в связи с франко-прусской войной Луи почувствовал себя обязанным покинуть Германию и, после добровольного изгнания в Англию, вся семья вернулась в родную Францию.

Тургенев последовал за ними в самом начале мая 1863 года и поселился в квартире, которую нашел себе в предыдущем году на Шиллерштрассе у печника Г. Анштетта и его жены. Там он прожил вплоть до апреля 1868 года, несмотря на то что еще в июне 1864 года приобрел участок земли рядом с Виардо и стал считать себя «citoyen de Bade»

⁷ Houghton Library. MS Mus 232 (14). Выражаю сердечную благодарность дирекции и сотрудникам Хоутонской библиотеки (Гарвард) за предоставленное мне позволение цитировать хранящиеся в ее фондах материалы, а также за всю любезно оказанную мне помощь. Рис. 1 воспроизведен на с. 9.

«Les muses rendent leurs hommages à Orphée».

Рисунок Клоди Виардо в письме к матери от 24 апреля 1863 г. (Houghton Library)

(«гражданином Бадена»)⁸. По ряду причин — в частности, из-за проблем с архитектором, из-за того что в Бадене строили крайне медленно, а также из-за того что его дядя Н. Н. Тургенев едва не разорил его, Тургеневу пришлось продать свой новый дом Луи Виардо даже до того, как он в него переселился.⁹ Однако небольшое расстояние между местами их проживания с самого начала ничем не мешало общению Тургенева и всей семьи Виардо. В. А. Чекуанова (в замуж. Рубинштейн), которая тогда училась пению у Полины Виардо и жила в одном доме (этажом выше) с Тургеневым, вспоминала впоследствии: «Иван Сергеевич сидел дома до 12 часов утра, работал и принимал посетителей; обедал и проводил вечер у Виардо. Он часто страдал припадками подагры, принуждавшими его к неподвижности: в те дни шло настоящее паломничество из виллы Виардо к нему. Утром — старик Виардо, после 12-ти — его жена, целый день — дети врассыпную; кроме того, они посылали

⁸ См. письмо к Л. Поме от 30 мая (11 июня) 1864 г.: ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 27–28.

⁹ См. письмо к П. В. Анненкову от 28 марта (9 апреля) 1868 г.: Там же. Т. 8. С. 169.

записочки, юмористические рисунки, ухаживали и развлекали его ежеминутно».¹⁰

Время от времени они даже предоставляли друг другу свое жилье. Так, в марте 1864 года Луи написал Тургеневу, предложив пожить у них, в комнате старшей дочери Луизы, так как на Шиллерштрассе шел ремонт.¹¹ Через три месяца Тургенев, в свою очередь, предоставил квартиру той же Луизе, когда она приехала в Баден-Баден в связи с родами ребенка. На это время сам Тургенев перебрался в другие комнаты в том же доме.¹²

Пушкин

Начало 1860-х годов в совместной интеллектуальной деятельности Тургенева и четы Виардо можно с основанием назвать «пушкинским». Переводческое сотрудничество Луи Виардо и Тургенева началось во время вторых гастролей Полины в Петербурге еще в сезон 1844/1845. Луи Виардо никогда не скрывал, как делались переводы с русского (которого он не знал), выходявшие под его именем. Уже в предисловии к первому сборнику переводов (из Гоголя) он сообщал о своих сотрудниках: «Они были так любезны, что диктовали мне французский перевод с русского оригинала. Я же не сделал ничего иного, как только подправлял некоторые слова и фразы. И если стиль принадлежит отчасти мне, то передача смысла — исключительно им».¹³ Первый их совместный перевод

¹⁰ *Рубинштейн В. А.* Тургенев и Виардо в Баден-Бадене. Машинопись // *ИРЛИ*. Ф. 294 (Архив Стасовых). Оп. 8. № 257. Далее: *Рубинштейн*. Мы цитируем эти воспоминания по данному источнику, подготовленному к печати В. Д. Комаровой (Влад. Каренин), поскольку он несколько отличается от текста воспоминаний В. А. Рубинштейн, изданных А. С. Розановым, ср.: *Рубинштейн В. А.* Отголоски прошлого. Тургенев и Виардо в Б<аден>-Бадене // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 153–157.*

¹¹ *Corr. IT—LV*. P. 226. Письмо от 2 марта 1864 г.

¹² См. письма Тургенева к Л. Пичу от 18 (30) апреля и к П. В. Анненкову от 25 апреля (7 мая) 1864 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 19, 21. А в апреле 1869 г. вся семья Виардо поселилась у Тургенева (в его доме) на время капитальной уборки, проходившей в их доме. См. письмо к П. Брюэр от 11 (23) апреля 1869 г.: Там же. Т. 9. С. 198.

¹³ «Ils ont bien voulu me dicter en français le texte original. Je n'ai rien fait de plus que des retouches sur les mots et les phrases; et, si le style est à moi en partie, le sens est à eux seuls» (*Gogol Nicolas*. *Nouvelles russes*. Paris, 1845. P. VII; перевод цит. по: *Алексеев М. П.* Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // *Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 274). В этом

из Пушкина («Капитанская дочка») вышел в 1846 году.¹⁴ А в 1862–1863 годах вышло три перевода (в прозе) подряд — «Poèmes dramatiques» (куда вошли «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка» и «Каменный гость»), «Doubrovski» и «Onéguine».¹⁵

Вместе с тем Тургенев читал стихотворения Пушкина с Полиной — *по-русски*.¹⁶ Интенсивная концертная и сценическая жизнь препятствовала ее композиторской деятельности, но с переездом в Баден-Баден Полина снова серьезно занялась творчеством на этом поприще. Среди первых плодов ее усилий в этом направлении был альбом, вышедший с небольшой разницей во времени в России и в Германии в 1864 году под названием «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа» («12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Fr. Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia»). В этом альбоме Пушкин занимал первое место. Что касается русских поэтов, так будет вплоть до 1880-х годов. А год спустя вышел второй сборник романсов — «Десять стихотворений

сборнике принял участие также С. А. Гедеев. В дальнейшем Луи Виардо стал неизменным сотрудником Тургенева в переводческой деятельности, но метод работы не изменился. См.: Жекулин Н. Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 77–79.

¹⁴ *Pouchkine Alexandre*. La Fille du Capitaine // Illustration. 1846. N 169, 170, 173–176, 178, 179. Отдельное издание вышло в 1853 г.

¹⁵ *Pouchkine Alexandre*. 1) Poèmes dramatiques. Paris, 1862; 2) Doubrovski // Illustration. 1862. N 1010–1014, 1016, 1019, 1021, 1022; 3) Onéguine. Roman en vers // Revue Nationale et Etrangère, politique, scientifique et littéraire. 1863. T. 12, livr. 48–51.

¹⁶ См. письмо В. П. Боткина к А. А. Фету от 12 декабря 1862 г.: <Фет А. А.> Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публикация и коммент. Ю. П. Благоволиной // ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 326–327. Из дневника Полины Виардо следует, что иногда она читала русские стихи по-русски сама: «Сегодня я закончила читать „Мцыри“ Лермонтова „Послушник“ <по-французски. — *Ред.*>. По сей день это моя любимая русская поэма. Когда *дикарство*, но не сам дикарь, находится в союзе с благородством, силой, воображением, это великолепно. <...> Этот поэт мне кажется более страстным, более пылким, более свободным в движениях, чем Пушкин» («J'ai fini de lire aujourd'hui *Мцыри* de Lermontoff *Le novice*. C'est jusqu'à présent, le poème russe qui me plaît le mieux. Lorsque la *sauvagerie*, non le sauvage est allié à la noblesse, à la force, à l'imagination, c'est superbe. <...> Ce poète me semble plus passionné plus fougueux plus libre d'allure que Pouchkine»). Запись от 12 июля 1863 г. (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5; этот архив Полины Виардо, недавно приобретенный Хоутонской библиотекой, еще не каталогизирован, и шифры являются временными. Я бы хотел выразить свою благодарность сотрудникам библиотеки за их любезность при моем предварительном ознакомлении с этим архивом).

Dans l'une de ses nombreuses propriétés, vivait, il y a quelques années, un ancien *barine* russe (1). On le nommait Kirila Petrovitch (2) Trockourouff. Sa richesse, sa naissance, ses relations, lui donnaient un grand poids dans le gouvernement qu'il habitait. Adulé par tous ceux qui l'entouraient, il avait pris l'habitude de laisser son libre essor à chaque élan d'un ardent naturel, à chaque fantaisie d'un esprit assez borné. Ses voisins se montraient heureux de satisfaire tous ses caprices, et les employés de l'état tremblaient à son seul nom. Kirila Petrovitch recevait tous ces témoignages d'adulation comme un tribut auquel il avait droit. Sa maison était constamment remplie de visiteurs, qui venaient partager ses plaisirs, toujours bruyants et souvent dépassant la mesure.

Personne n'osait se refuser à ses invitations, ni manquer, certains jours tenus, de paraître à l'hôtel pour y présenter ses hommages. Kirila Petrovitch était bon vivant; malgré la vigueur exceptionnelle de ses facultés physiques, il avait des indigestions deux fois par semaine, et chaque soir il était en gaie.

Les occupations ordinaires du seigneur de l'hôtel consistaient en courses dans ses vastes domaines, en festins prolongés, et surtout en mystifications qu'il fallait inventer et varier chaque jour, et dont la victime était d'habitude quelque nouvelle connaissance. Ses anciens amis ne s'y pouvaient pas toujours soustraire, excepté cependant le seul André Gavrilitch (3) Doubrovski. Ce Doubrovski, lieutenant de la garde impériale en retraite, était son plus proche voisin, et ne possédait pas plus de soixante-dix âmes.

(1) *Barine* veut dire seigneur, propriétaire de terres, et par conséquent de serfs.

(2) Cyrille, fils de Pierre.

(3) André, fils de Gabriel.

Французский перевод
«Дубровского», сделанный
Тургеневым при участии Луи Виардо
(Illustration, 1862)

Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа», — в который были включены четыре новых пушкинских романа.¹⁷ Не подлежит сомнению, что Полина Виардо сочиняла свои романсы непосредственно на русский текст. Это подтверждается, в частности, тем, что уже готовые романсы посылались известному переводчику Фридриху Боденштедту, который должен был перевести их для немецкого издания.¹⁸ Но и сам Тургенев нередко обращался к Пушкину в эти годы. В апреле 1860 года он прочел две лекции о Пушкине, на основе которых намеревался впоследствии написать статью, однако этот замысел остался нереализованным. Именно в эти годы он активно переписывался с Проспером Мериме, также переводившим Пушкина и готовившим о нем обширную статью, которая, однако, задержалась и вышла в свет лишь в 1868 году.¹⁹

¹⁷ В альбом 1864 г. были включены романсы «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...»), «На холмах Грузии...», «Заклинание» («О если правда, что в ночи...»), «Ночью» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»), «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...») и «Птичка Божия» («Птичка Божия не знает...»); в альбом 1865 г. — «Ночью, во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...»), «Для берегов отчизны дальней...», «Не пой, красавица, при мне...» и «Буря» («Буря мглою небо кроет...»). В петербургский альбом 1874 г. («Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбель <sic> и Поля») вошел романс на стихотворение Пушкина «Юноша и дева» («Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»).

¹⁸ См. письмо Тургенева к Боденштедту от 24 июня (6 июля) 1863 г.: *ПССУП*(2). *Письма*. Т. 5. С. 184. В записных тетрадах П. Виардо слова в «русских» романсах всегда приводятся по-русски и записаны ее рукой.

¹⁹ Об «особенно усиленных» занятиях Тургеневым Пушкиным в конце 1850 — начале 1860-х гг. см.: *Назарова Л. Н.* К истории творчества И. С. Тургенева 50–60-х годов // *И. С. Тургенев (1818–1883–1958)*. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 146–158. Еще один интенсивный период, когда Тургенев занимался

№ 11.

ПТИЧКА БОЖІЯ.

DAS VÖGLEIN.

Слова А. ПУШКИНА.

Worte v. A. PUSCHKIN.

Allegretto giocoso. $\text{♩} = 108$.

CANTO.

PIANO.

Итак. он
Glücklich

н.

Романс Полины Виардо «Птичка Божия».

Из альбома «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева» (1864).

Первая страница

Литературная деятельность в кругу семьи Виардо, разумеется, не ограничивалась Пушкиным. С Полиной Тургенев читал, например, Льва Толстого («Детство») в оригинале и Писемского («Взбаламученное море»), переведя несколько отрывков из него на французский язык.²⁰ Для Луи Виардо он попытался достать французский перевод «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.²¹ Свои же новые произведения он читал Полине, переводя с листа, и ее мнение о них всегда было для него решающим и неопровержимым.²²

Пушкиным с П. Виардо и с французскими друзьями, относится к концу 1870-х — началу 1880-х гг. В частности, в 1882 г. у Иогансена вышли четыре романа П. Виардо на слова Пушкина: «Вот зеркало мое...», «Ночной зефир...», «Старый муж, грозный муж...» и «Ворон к ворону летит...». Судя по архивным материалам, были и другие романы на слова Пушкина, оставшиеся неизданными.

²⁰ См. письма Тургенева к П. В. Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1866 г. и к П. Виардо от 9, 10 (21, 22) марта 1867 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 19, 133.

²¹ См. письмо к В. Делессер от 2 (14) января 1866 г.: Там же. С. 7.

²² См., например, письма к П. Виардо от 6 и 10 февраля (по поводу «Дыма») и от 7, 8 февраля 1867 г. (по поводу «Истории лейтенанта Ергунова» и новых замыслов): Там же. С. 91, 92–94; письмо к Л. Пичу от 5 января 1869 г. (по поводу «Несчастной»): Там же. Т. 9. С. 115. О чтении «Дыма» П. Виардо упоминает в письме к А. А. Трубецкой от 30 марта 1867 г.: «С собой он увез новый роман, из которого прочитал мне несколько глав, они показались мне наиболее замечательным из того, что он написал. Посмотрим, ошибаюсь ли я» («Il a emporté avec lui un nouveau roman dont il m'a lu quelques chapitres, qui me semblent être de beaucoup ce qu'il a fait de plus remarquable. Nous verrons si je me trompe») (Archives départementales de Seine-et-Marne. Melun. MS 1009 F1. Цитируется по копии, любезно предоставленной П. Уоддингтоном). Полина также читала произведения Тургенева сама. В своем дневнике она замечает: «Я только что прочитала „Историю лейтенанта Ергунова“ Нини и Берте. До обеда прочла добрую треть „Дворянского гнезда“ в маленьком салоне Нини — она несколько раз плакала. — Что до меня, то при чтении главы с последним посещением Лаврецким Калитиных, посреди этого роя молодежи — описание *почерневшей скамьи* в саду — у меня перехватило горло... я более не могла продолжать...» («Je viens de lire l'aventure du lieutenant Yergounof à Ninie et Berthe. Avant le dîner j'avais lu un bon tiers de la „Nichée de Gentilshommes“ à Ninie dans son petit salon — Ninie a pleuré à plusieurs passages. — Quant à moi, le chapitre de la dernière visite de Lavretzky chez les Kalitine, au milieu de cet essaim de jeunes gens — la description du *banc noirci* dans le jardin — m'a prise à la gorge tout à coup... je ne pouvais plus continuer...»). Запись от 24 <мая 1868 г.> (Houghton Library. b 2011M-3. Folder 5). Берта (Berthe) — младшая сестра Луи Виардо; Нини (Ninie) — предположительно Евгения Ришар (Eugénie Richard), давний друг семьи и ученица П. Виардо в это время. П. Виардо была знакома с ней еще с детства, когда отец Е. Ришар — Полен Ришар (Paulin Richard) — учился у ее отца, Мануэля Гарсиа.

Нападки, которым Тургенев подвергся в России после «Отцов и детей», совпали по времени с возрастанием интереса к его произведениям и с распространением его славы как писателя за границы, особенно во Франции и Германии. Следовательно, все больше времени приходилось уделять переводам, за которыми Тургенев внимательно следил; некоторые свои произведения он сам переводил вместе с Луи Виардо.²³ Обсуждались названия сборников переводов, вычитывались корректуры.²⁴ Так как Луи Виардо не знал немецкого языка, то немецкий перевод «Призраков», который сделал Фр. Боденштедт, Тургенев проверял с гостившим в Баден-Бадене Людвигом Пичем и Полиной Виардо:

«Никогда не забуду я тот августовский вечер, когда в маленьком интимном салоне виллы Виардо <...> Тургенев вместе с хозяйкой дома и со мной принялся за исправление этого перевода. Имея в руках русский оригинал, он обдумывал каждое слово, которое я ему прочитывал из рукописи Боденштедта; он спрашивал наше мнение и потом большинством голосов решалось, какой из немецких переводов точнее передает все оттенки русского подлинника».²⁵

С Полиной Тургенев читал — и оба одобрили — большую статью, которую о нем написал Юлиан Шмидт.²⁶ С Луи они намеревались вместе перевести статью И. Е. Забелина о новонайденной скифской вазе из собрания Эрмитажа.²⁷

²³ См., например, письма к Ж. Этцелю от 17 (29) июня 1867 г. и 30 мая (11 июня) 1868 г. (по поводу перевода «Бригадира»): *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 14, 206.

²⁴ В письме к Ж. Этцелю от 8 (20) февраля 1869 г. Тургенев сожалеет о том, что ему не удалось обсудить с П. Виардо название сборника «Nouvelles Moscovites» из-за ее временного отсутствия, а в письме к самой Полине от 14 (26) марта 1869 г. напоминает, как они вместе правили корректуры этого сборника (см.: Там же. Т. 9. С. 143, 182).

²⁵ «Nie vergesse ich jenen Augusnachmittag, als Turgenjew in dem kleinen, traulichen Salon der Villa Viardot <...> mit der Herrin des Hauses und mir gemeinsam die Prüfung und Feilung jener Uebersetzung vornahm. Er mit dem russischen Original in der Hand, jedes Wort erwägend, das ich aus Bodenstedt's Manuscript vorlas, und unserer Meinung, unserer Vorschläge hörend, bis dann schließlich durch Abstimmung über den bestentsprechenden, die feinen russischen Nüancen am genausten wiedergebenden deutschen Ausdruck entschieden wurde» (*Pietsch Ludwig*. Erinnerungen an Iwan Turgenjew. III // *Vossische Zeitung*. 1883. 12. September. N 425; перевод цит. по: *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 263).

²⁶ См. письмо к Шмидту от 6 (18) октября 1868 г.: Там же. Т. 9. С. 68.

²⁷ См. письма к П. В. Анненкову от 20 декабря 1865 г. (1 января 1866 г.), 17 (29) января и 9 (21) февраля 1866 г.: Там же. Т. 6. С. 175; Т. 7. С. 8, 17.

В 1866 году в Париже вышел сборник под названием «Espagne et Beaux-Arts. Mélanges», объединивший некоторые статьи и переводы Луи Виардо. Первое место в сборнике занимал французский перевод анонимного испанского плутовского романа «Lazarillo de Tormes» («Ласарильо с Тормеса»). Не случайно, как нам кажется, в начале 1866 года, когда Тургенев оказался в долгу одновременно перед двумя русскими издателями и у него не было ничего готового из собственных произведений, он им предложил свои, будто бы готовые или почти готовые, переводы из испанской литературы, среди которых был как раз этот роман!²⁸

Несмотря на плохое состояние, вызванное враждебно настроенной критикой в России, и на твердое намерение отойти от литературы, о котором он не раз заявлял, Тургенев продолжал писать и в эти годы. В своих воспоминаниях Людвиг Пич, который почти ежегодно приезжал погостить у Тургенева (сначала у Анштеттов, а затем и на его собственной вилле), дал любопытное описание его творческого метода:

«Его способ поэтического творчества был очень своеобразен. Какая-то сценка, какая-то группа лиц, которых он в самом деле когда-то видел, вдруг всплывали в его душе. Вскоре вокруг них начинали группироваться и передвигаться другие многочисленные образы, словно выступая и очерчиваясь мало-помалу из легкого тумана. Он стремился как можно лучше узнать их, вплоть до мельчайшей черты их внешнего облика, одежды, движений, их манеры говорить; расслышать звучание их голосов. Они рассказывали ему свои истории. Они начинали взаимодействовать друг с другом и друг против друга, в соответствии со своим собственным характером, „по закону, им присущему“».²⁹

²⁸ См. письма к М. Н. Каткову от 8 (20) марта и 25 апреля 1866 г.: Там же. С. 21, 32. В первом из них Тургенев описывает этот роман как «прототип всех последовавших Жиль-Блазов и т. д.», повторяя характеристику, данную ему Луи Виардо во введении к сборнику «Espagne et Beaux-Arts»: этот роман нравов, замечает он, «дал толчок и пример целому направлению современной литературы, от испанского романа (кроме романов рыцарских и бессмертной сатиры, которая их убила) к французскому, вплоть до „Жиль Блаза“» («a donné le mouvement et l'exemple à toute une branche de la littérature moderne, au roman espagnole (sauf les livres de chevalerie et l'immortelle satire qui les a tuées), partant au roman français, jusqu'à *Gil Blas*») (*Viardot Louis. Espagne et Beaux-Arts. Mélanges. Paris, 1866. P. XI.*)

²⁹ «Seine Art der poetischen Produktion war sehr eigentümlich. Eine Szene, eine Gruppe, die er einmal in der Wirklichkeit gesehen hatte, tauchte plötzlich in seiner Seele auf. Um sie herum gruppieren und bewegten sich, wie aus einem lichten Nebel in immer größerer Deutlichkeit hervortretend, bald zahlreiche andere Gestalten. Er meinte sie mit voller Genauigkeit zu erkennen bis in jedes Detail ihrer natürlichen Erscheinung, ihrer

Нетрудно себе представить Тургенева, гуляющего по Баден-Бадену и внимающего своим соотечественникам, которые потом превращаются в действующих лиц его «баденского» романа «Дым»! Не менее интересным является данный Пичем анализ самого процесса «писания»:

«Я слышал, как он вздыхал и стонал в своей комнате, расхаживая взад и вперед большими шагами. „Что с Вами, Тургенев? что Вас мучит? Вы меня пугаете!“ — сказал я ему, когда в первый раз стал свидетелем подобной сцены. — „Ах, я так несчастен, — был его ответ, — я *должен* сегодня *писать!*“ В течение уже многих дней он страдал под грузом этого „должен“; чтобы освободиться от этого побуждения, он сам с собою играл в шахматы, ходил на охоту. Но все это давало ему лишь временную передышку. В конце концов непреодолимая потребность писать усаживала его в кресло за письменный стол и приковывала его к работе, во время которой он затем целыми днями скрывался от посетителей и назойливых визитеров за плотно закрытыми дверьми».³⁰

Охота

...третьего дня было последнее представление оперетки, вчера последняя *matinée*, завтра — первая зимняя охота.³¹

В страсти Тургенева к охоте никто не мог — и не может — сомневаться. Именно охотой, как мы видели, его заманивал Луи Виардо в Баден-Баден. Одна подагра могла помешать этому удовольствию! Его письма наполнены упоминаниями об охоте, и ни один из тех, кто написал свои воспоминания об этом периоде его жизни, не мог обойти эту тему. Людвиг Пич сообщает:

Tracht, ihrer Bewegungen, ihrer Art zu sprechen; den Klang ihrer Stimmen zu hören. Sie erzählten ihm ihre Geschichte. Sie begannen mit- und gegeneinander zu wirken, ihrer eigenen Natur gemäß, „nach dem Gesetz, nach dem sie angetreten“» (*Pietsch Ludwig*. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Der wunderliche Roman meines Lebens / Hsg. Peter Goldammer. Berlin, 2000. S. 497. Далее — *Pietsch. Schriftsteller*).

³⁰ «Ich hörte ihn in seinen Zimmern stöhnen und ächzen, mit großen Schritten auf und ab gehen. „Turgenjew, was haben Sie, was peinigt Sie? Sie machen mir angst!“ sagte ich ihm, als ich zum ersten Mal Zeuge dieser Szenen wurde. — „Ach, ich bin so elend“, war die Antwort, „ich *muß* heute *schreiben!*“ Er hatte schon während mancher Tage unter diesem „Muß“ gelitten; um sich dem Zwange zu entziehen, mit sich allein Schach gespielt, war auf die Jagd gegangen. Aber er erlangte damit doch immer nur einen kurzen Aufschub. Schließlich zwang ihn die unentrinnbare Nötigung auf den Sessel vor seinen Schreibtisch nieder und hielt ihn gebannt in der Arbeit, bei der er dann hinter vor jedem Besucher und Störer fest verschlossenen Türen tagelang ausharrte» (Ibid. S. 498).

³¹ *ПССУП(2)*. Письма. Т. 9. С. 78. Письмо к М. А. Милютиной от 20 октября (1 ноября) 1868 г.

«Начиная с середины августа, однако, когда открывался сезон охоты, Тургенев и его друг Луи Виардо редкий день могли усидеть дома. Почти каждый день в сносную погоду перед воротами останавливалась охотничья коляска. В ней размещались ружья, ягдташи, гладкошерстный, коричневый пес Виардо и легавая Тургенева, длинношерстный, черный, с коричневыми подпалинами на лапах Пэгас — благородное животное, душа которого, по мнению его хозяина, была совершенно человеческой, а во многом даже значительно превосходила ее. Охотники садились в коляску и отправлялись в нанятое ими охотничье угодье на другой стороне Ооса в долине Рейна, откуда они возвращались только вечером, уставшие и нагруженные добытыми трофеями. Страсть Тургенева к охоте была почти так же сильна, как его страсть к музыке, т. е. к *слушанию* хорошей музыки».³²

Охота, конечно, не всегда завершалась успехом. Показательны в этом отношении письма маленьких девочек — Клоди и девятилетней Марианны — к матери. 8 мая 1863 года Марианна пишет:

Ma chère délicieuse <sic!>³³ maman,

...Chère maman, je suis bien heureuse d'être à Bade, et puis mademoiselle Arnholt qui a dit qu'il faudrait retourner à Paris et ne plus jamais le quitter, oh! quand j'y pense cela me fait... Je suis bien ennuyée que papa n'a rien tué hier soir ainsi que Tourguéneff. Ma chère maman je finis ma lettre car je ne peux pas la faire plus longue.

Marianne Viardot.

Le 8 mai 1863. A Bade.

Je suis bien désolée de ne pas pouvoir te finir le dessin mais il faut que nous déjeunions.

Перевод:

Моя дорогая, прелестная мамочка,

...Дорогая мама, я очень счастлива находиться в Баден-Бадене, а еще мадемуазель Арнхольт говорила, что нужно вернуться в Париж и никогда не уезжать из него,

³² «Von der Mitte des August ab freilich, wenn die Jagd aufgegangen war, duldeten es Turgenjew und seinen Freund Louis Viardot nur selten im Hause. Fast an jedem Tage mit erträglichem Wetter hielt der Jagdwagen vor der Tür. Die Flinten, die Handtaschen, Viardots glatter brauner und Turgenjews langvliesiger schwarzer, braunfüßiger Hühnerhund Pégase — ein edles Tier, dem er eine völlig menschliche, ja dieser in manchen Punkten noch weit überlegene Seele nachrühmte — wurden darin untergebracht. Die Herren stiegen ein und fuhren zu ihrem gepachteten Jagdrevier jenseits von Oos in der Rheinebene, von wo sie dann nicht vor Abend, müde gelaufen und mit erlegter Jagdbeute beladen, heimkehrten. Turgenjews Leidenschaft für die Jagd kam fast der für die Musik, d. h. für das Hören guter Musik, gleich» (*Pietsch. Schriftsteller*. S. 497).

³³ Здесь и далее для сохранения детского колорита воспроизводятся ошибки в грамматике и правописании детей Полины и Луи Виардо, с указанием: <sic!>.

о! когда я думаю об этом, это заставляет меня... Мне очень жаль, что папа, как и Тургенев, ничего вчера не подстрелили. Дорогая мама, я заканчиваю это письмо, потому что не могу его продолжить.

Марианна Виардо.

8 мая 1863. Баден-Баден.

Я очень огорчена, что не могу закончить для тебя рисунок, но нам пора обедать.

А старшая сестра не удовлетворилась одним сожалением о неудаче охотников!

Ma chère et adorable maman,³⁴

Je vais te raconter le rêve <sic!> que j'ai fait cette nuit: J'étais à la chasse avec papa et Tourguénéff (c'était la chasse aux chevreuils). Papa et Tourguénéff tiraient toujours sans tuer quelque chose <sic!>. Moi je vois un chevreuil à quelques pas de moi qui me tournait le dos, sans bouger, je vise je tire et le chevreuil tombe mort. Je le dis à Tourguénéff qui le dit à papa, et ils ne peuvent revenir de leur étonnement et ils ne font que me dire: «Comment c'est toi qui l'a <sic!> tué?» — et moi je répondais toujours: «oui c'est moi». Je me rappelle parfaitement la figure de Tourguénéff avec ses sourcils levés, son petit chapeau rond, montrant du doigt le chevreuil couché, et me regardant avec l'autre main sur sa poitrine. Moi je répondais toujours la même chose en riant. Tourguénéff dit qu'il voulait montrer ce chevreuil à la maison me prit par la main, et nous rentrâmes chez nous où Tourguénéff fut le premier à dire aussitôt que nous fûmes dans le vestibule: «Voyez, ce que Didie a tué». — Tout le monde admira en effet mon action et malheureusement je me suis éveillé <sic!>. Voici chère maman ce que j'ai rêvé cette nuit. Claudie Viardot.

Bade. le 9 mai 1863.

Перевод:

Моя дорогая и обожаемая мамочка,

Я хочу рассказать тебе сон, приснившийся мне сегодня ночью: Я была на охоте с папа и Тургеневым (это была охота на косуль). Папа и Тургенев все время стреляли, но не убили никого. Я же вижу в двух шагах от меня косулю, повернувшуюся спиной и стоящую без движения, прицеливаюсь, стреляю, и косуля падает замертво. Я говорю об этом Тургеневу, который говорит об этом папа, и они не могут прийти в себя от удивления и только повторяют: «Неужели это ты ее убила?» — а я все время отвечаю: «да, я». Я прекрасно помню лицо Тургенева с поднятыми бровями, с его круглой шапочкой, указывающего пальцем одной руки на лежащую косулю и смотрящего на меня, положив другую руку себе на грудь. Я все повторяла свой ответ и смеялась. Тургенев сказал, что хочет показать косулю дома, взял меня за руку, и мы вернулись домой, где Тургенев первый, как только мы оказались в прихожей, тут же сказал: «Посмотрите, кого убила Диди». — Все действительно восхищались моим

³⁴ Над словом «maman» — рисунок с изображением ангела. Впрочем, письмо Марианны также изобилует рисунками.

Рисунок Клоди Виардо в письме к матери от 9 мая 1863 г. (Houghton Library)

попущком, но, к сожалению, я проснулась. Вот, дорогая мама, что мне приснилось сегодня ночью. Клоди Виардо.

Баден-Баден. 9 мая 1863.³⁵

Когда не было охоты, у Тургенева было довольно строгое «расписание дня». Пич вспоминает:

«По утрам мы пили чай и завтракали у него в комнатах, после чего каждый из нас проводил первую половину дня в полной свободе, где и как хотел, не заботясь о другом. Ужинать он отправлялся каждый день на виллу Виардо. <...> Поздние вечерние, а также ранние ночные часы мы оба проводили в кругу семьи Виардо».³⁶

Подробности об этих вечерах сообщает В. А. Рубинштейн: «В семейном, тесном кругу эта необыкновенная женщина была не менее интересна и привлекательна. В ней жизнь была ключом и проявлялась на все окружающее. Не забыть никогда вечера, проведенные в уютной гостиной на вилле Аффентала! — У камина, в больших креслах, сидели Виардо и Тургенев. Возвратившись обыкновенно с охоты к обеду, они

³⁵ Houghton Library. MS Mus 232 (14). Луиза Арнхольт (Louise Arnholt) — гувернантка младших детей Виардо.

³⁶ «Wir nahmen vormittags den Tee und das Frühstück in seinen Räumen, nachdem jeder von uns den Vormittag in voller Freiheit, ohne sich um den andern zu kümmern, wo und wie es ihm gefiel, verbracht hatte. Zum abendlichen Mittagmahl ging er täglich zur Villa Viardot. <...> Die späteren Abend- und ersten Nachtstunden wurden immer von uns beiden im Kreise der Familie Viardot verlebt» (*Pietsch. Schriftsteller. S. 496*).

начинали вечер дружным похрапыванием перед огнем, несмотря на громкие протесты Мме Виардо. — „Господи! Как они стареют!“ — восклицала она иногда.

За круглым столом, при свете большой лампы несколько учениц и дети с наставницей Мlle Арн<х>ольд занимались рукоделием и принимали участие в разговоре, оживляя его взрывами веселого смеха. Сама Виардо с работой или карандашом в руках, всегда веселая, предприимчивая, рассказывала, шутила, иногда читала вслух, заставляла каждого высказываться и вызывала самого И<вана> С<ергеевича> на интересную беседу.

Сначала он нехотя отвечал, потом, оживляясь, поднимался с кресла и стоя или расхаживая говорил о своей молодости, о деревне, о России. У меня живо сохранилась в памяти его мощная фигура, красивое русское лицо, и серебристые волосы, и добрые светящиеся глаза и один его рассказ: именно, как будучи двадцатилетним юношей „стройный и гибкий, как тростник“ — он ухаживал в деревне за какой-то барышней и страшно занимался своей наружностью. С неподражаемым юмором он описывал моды того времени и как он — Тургенев взбивал себе высокий чуб над лбом, обливался отчаянными духами, от которых у самого голова кружилась, и был в полной уверенности, что именно тот чуб покорит девичье сердце. И он взъерошил белые волосы и выступал по комнате, изображая франта сороковых годов. Разговор постепенно оживлялся и касался всегда животрепещущих вопросов дня. Г-н Виардо обыкновенно молчал, глядя на огонь, но порой вставлял словечко, всегда умно и уместно. На меня он производил впечатление книги, а не человека: что-то вроде лексикона, необходимый в образованном доме, но к которому редко обращаются. Бывало, что Мме Виардо сядет за рояль и просматривает полученные новинки: тогда Тургенев становился рядом, надевал пенсне и следил за пением: то громко восхищался новой вещью, то приходил в негодование и бранился на самых высоких нотах почти женского голоса. Получались и книги, редкие издания. Тогда и Виардо приближался к нам, высказывал свое мнение и пояснял его. Тут же составлялись программы концертов, затевался домашний спектакль или литературный вечер, и во всем Тургенев принимал самое живое участие. Вечер оканчивался обыкновенно пением».³⁷

Ученицы

В центре деятельности Полины Виардо, начиная с «баденских» лет, было преподавание. Из всей Европы и даже из Америки к ней стреми-

³⁷ Рубинштейн.

лись молодые женщины, мечтающие о профессиональной карьере. К ней посылали своих начинающих певиц для совершенствования директора оперных театров. Среди ее учениц встречались и певицы-любительницы, особенно из высшего света; с них она брала за уроки большие деньги, что позволяло ей обучать многообещающих учениц за более умеренную плату. Помимо самих уроков, ученицы должны были принимать участие в концертах и вечерах вместе со своей преподавательницей. Это позволяло им приобрести ценный опыт и в то же время давало возможность избранной аудитории познакомиться с ними, так как П. Виардо могла всегда обещать идеальную публику благодаря связям в артистическом мире и в высшем свете. Если домашние вечерние концерты, в которых участвовали самые выдающиеся музыканты того времени (среди них часто бывали А. Г. Рубинштейн и Клара Шуман), устраивались преимущественно ради собственного удовольствия участников и близких к их кругу людей, то воскресные музыкальные утренники носили более «публичный» характер, хотя на них билеты не продавались и присутствовать можно было лишь по приглашению.³⁸ Для хозяйки они также служили местом, где публика могла познакомиться с ее романсами и теми малоизвестными старинными вокальными произведениями, которые она включала в свою большую педагогическую серию «Ecole classique du chant».³⁹ Для учениц эти концерты становились главной ареной на первом этапе их будущей карьеры. Программы составлялись с тем расчетом, чтобы показать учениц с самой выгодной стороны, принималось во внимание и то, кто их будет слушать. Одна из «отличниц» среди учениц Виардо раннего «баденского» периода — Аглия Орени — описывает, как составлялся план «военных действий»:

«После генеральной репетиции, которая весело прошла за несколько дней до того, втайне был разработан план сражения. Во время репетиции она <Полина Виардо. — Н. Ж.> сказала мне: „Мила Рёдер (новая ученица <...>)

³⁸ Многие из присутствовавших на этих утренниках подчеркивают, что, несмотря на присутствие «августейших особ», на них не придерживались обычных правил иерархии. См., например: *Pietsch Ludwig*. Sommerfahrten. In Baden-Baden. II // *Vossische Zeitung* (Königl. Privilegirte Berlinische Zeitung). 1865. 24. September. N 224. 1. Beilage. S. 3. Далее — *Pietsch*. Sommerfahrten.

³⁹ Эта серия выходила с 1861 г. в издательстве Жерар в Париже. О том, что Полина Виардо исполняла свои романсы, см.: *Höft Brigitte*. Pauline Viardot in Baden-Baden // *Pauline Viardot in Baden-Baden und Karlsruhe*. Baden-Baden, 1999. S. 38 (Baden-Badener Beiträge zur Musikgeschichte. Bd. 4 / Hsg. Ute Lange-Brachmann u. Joachim Draheim). Далее — *Pauline Viardot in Baden-Baden*. Об исполнении ею старинной музыки см.: *Pietsch*. Sommerfahrten. S. 3.

должна непременно играть на арфе, on veut que je chante la romance du Saule avec harpe, mais apparemment je serai fatiguée et alors vous la chanterez et sans façon <есть пожелание, чтобы была исполнена песня Ивы в сопровождении арфы, но я могу оказаться уставшей и тогда споете вы, и без церемоний — франц.>⁴⁰ таков приказ. <...> Но когда я вчера пришла на представление, никакого „могу оказаться“ не было, под номером вторым в программе значилось: Romance du Saule — Mademoiselle Orgeni <„Песня Ивы“ — мадемуазель Оргени — франц.>».⁴⁰

В другой раз Полина Виардо включила в программу музыку из опер Верди «Трубадур» и Беллини «Сомнамбула», так как среди публики должна была присутствовать прусская королева Августа, большая любительница итальянской оперы.⁴¹ Военная хитрость удалась; в конце 1865 года Оргени поступила в оперную труппу берлинского королевского театра!

Для этих музыкальных утренников (matinées) чета Виардо построила недалеко от своего дома небольшой концертный зал. Как это часто случалось в Баден-Бадене, строительство затянулось,⁴² и торжественное открытие состоялось лишь в конце октября 1864 года. В статье, посвященной вилле Виардо, Пич дал описание концертного зала. Статью сопровождал известный рисунок, запечатлевший музыкальный утренник, который состоялся 10 сентября 1865 года.

«Изысканный зал обставлен с тонким художественным вкусом и освещен сверху засчет больших окон в потолке; бюсты и картины, которые в нем помещаются, расположены столь же выгодно, сколь удачно подходят его акустические свойства звучанию голосов и инструментов. Так и подобает помещению, предназначенному для наслаждения одновременно всеми искусствами. По всей длине стен, обитых темно-зеленой тканью, красуется изысканная галерея картин старых мастеров, которую здесь собрал госпо-

⁴⁰ «Nachdem wir tags vorher eine sehr lustige Hauptprobe hatten, wurde der Schlachtplan aber heimlich entworfen. Bei der Probe sagte sie <Pauline Viardot. — *H. Ж.*> mir: „Mila Röder (eine neue Schülerin <...>) soll durchaus Harfe spielen, on veut que je chante la romance du Saule avec harpe, mais apparemment je serai fatiguée et alors vous la chanterez et sans façon“ — dies die Order. <...> Als ich aber gestern zur Aufführung kam, gab es keinen Zufall, sondern Nummer zwei steht am Programm: Romance du Saule — Mademoiselle Orgeni» (*Brand Erna*. Aglaja Orgeni. Das Leben einer großen Sängerin. München, 1931. S. 141. Письмо к родителям от 14 октября 1864 г. Далее — *Brand*). Речь идет об арии из оперы Дж. Россини «Отелло».

⁴¹ *Ibid.* S. 159.

⁴² Это позволило, в частности, Тургеневу занять у Луи Виардо деньги на короткое время (см. письмо Л. Виардо к нему от 16 апреля 1864 г.: *Corr. IT—LV*. P. 229).

дин Виардо. Среди них достойный восхищения женский портрет ван дер Гельста, погрудный портрет старика кисти Рембрандта, восход луны ван дер Меера, святой Иероним Нетшера, трактир Остаде, нива Рюисдаля и на первом месте та самая группка из двух крестьян в центре картины Веласкеса „Пьяницы“, которую старый “князь мира” Годой подарил отцу госпожи Виардо в знак благосклонности и уважения. Ближе ко входу располагаются бюсты Бетховена и Россини, в середине — шедевр француза Милле, мраморный бюст самой хозяйки. А у противоположной стены роскошный орган, отличающийся богатым звучанием внутри и изысканной отделкой снаружи, с изображением головы св. Цецелии, написанной Ари Шеффером на золотом фоне; перед ним рояль фирмы Плейель. Изящно вырезанные из светлого дерева арки были над всем помещением, изображения с атрибутами всех видов искусств украшали пространство стены и прежде всего потолка».⁴³

Никого не удивляет видное место, которое занимает Тургенев на рисунке Пича, однако современники свидетельствуют о еще более актив-

⁴³ «Ein zierlicher, mit feinem Kunstgeschmacke eingerichteter Saal, von großen Fenstern in der Decke von obenher beleuchtet, den Büsten und Bildern, die darin placirt sind, so vortheilhaft, wie seine akustischen Verhältnisse dem Klange der Stimmen und Instrumente. Denn dem Genusse aller Künste ist dieser Raum gleichzeitig geweiht. An den dunkelgrün tapezierten Langwänden prangt die auserlesene Gallerie alter Meisterwerke, welche Herr Viardot hier vereinigte; darunter das bewundernswerthe Frauenbildniß von van der Helst, das Brustbild eines Greises von Rembrandt, der Mondaufgang von van der Meer, der heilige Hieronymus von Netscher, die Schenke von Ostade, das Kornfeld von Ruysdael, und vor allem diesen und nach so viel anderen jene Mittelgruppe der beiden Bauern aus dem Bilde der „Trinker“ von Velasquez, welche der alte Friedensfürst Godoy dem Vater der Madame Viardot als Zeichen der Gunst und Verehrung schenkte; nahe der Thüre die Büsten Beethoven's und Rossini's, in der Mitte das Meisterwerk des Franzosen Millet, die Marmorbüste der Besitzerin selbst. Und an der Wand dagegenüber die prächtige, innerlich so klangreiche, außen so kunstvoll gestaltete Orgel, mit dem von Ary Scheffer auf Goldgrund gemalten Kopfe einer h. Cäcilie; davor der Pleyel'sche Flügel. Zierlich geschnitzte Bogen von lichtfarbigem Holze spannen sich über den Raum, Maleereien der Attribute aller Künste schmücken die Felder der Wand, zunächst der Decke» (*Pietsch Ludwig*. Die Villa Viardot // *Der Bazar*. 1865. 8. Dezember. N 46. S. 401).

Дату утреника можно установить благодаря присутствию Теодора Шторма, который сообщил об этом событии в письмах к детям (см.: *Laage Karl Ernst*. Theodor Strom and Iwan Turgenjew. Persönliche und literarische Beziehungen. Einflüsse, Briefe, Bilder. Heide in Holstein, 1967. S. 129, 130). О Луи Виардо-коллекционере см.: *Beaulieu Michèle*. Louis-Claude Viardot, collectionneur et critique d'art. 1800–1883 // *Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français*. 1984. P. 243–252. Сам Л. Виардо впоследствии убедился в том, что картина «Рембрандта» принадлежала не мастеру, а скорее всего одному из его учеников.

О более непосредственной — закулисной — роли Тургенева в этом мероприятии свидетельствуют сохранившиеся программы утренников, написанные рукой Тургенева.⁴⁵

Тургенев не только присутствовал на выступлениях Полины Виардо и ее учениц, но и не стеснялся давать оценки, откровенно выражая свое мнение — будь то в письмах или публично, причем характеристики, которые он давал ученицам, могли касаться не только их способностей, но и характера. Магдалена Мурьян описывает энтузиазм Тургенева после исполнения ею арии из «Женитьбы Фигаро» любимого им Моцарта:

«Как только я закончила исполнение арии Сусанны, Тургенев поднялся, взял стул и стал стучать им об пол, таким образом выражая мне свою высочайшую похвалу».⁴⁶

О другой ученице, Анне Буссе, Тургенев замечает в письме к Пичу:

«Девушка — как это часто случается — развилась внезапно, делает огромные успехи — и, обладая притом одним из прекраснейших голосов, какие вообще существуют, стала одной из главных любимиц утренников. <...> В остальном ее характер не изменился — наоборот. Успех еще больше испортил ее — бесстыдное, грубое тщеславие является основной подлинной чертой ее натуры, к тому же она глупа и неповоротлива как колода <...>».⁴⁷

Тургенев оказывал поддержку ученицам П. Виардо не только во время их выступлений в Баден-Бадене. Когда кто-то из учениц пел где-то

⁴⁵ Три программы 1866 г. находятся в Хоугтонской библиотеке Гарвардского университета. О них см.: *Чистова И. С.* Тургенев и музыкальные утренники в Баден-Бадене // *ТСб*. Вып. 1. С. 315–319, где на с. 317 воспроизведена программа концерта, состоявшегося 10 марта. Далее — *Чистова*.

⁴⁶ «Als ich meine Susannen-Arie beendet, erhob sich Turgeniew, nahm seinen Stuhl und klopte damit auf den Boden, mir dadurch seine höchste Anerkennung aussprechend» (*Koelle Magdalene, geb. Murjahn*. Erinnerungen. Karlsruhe, 1892. S. 48–49. Далее — *Koelle (Murjahn)*).

⁴⁷ «Das Mädchen hat sich plötzlich — wie es so oft geht — entwickelt, macht enorme Fortschritte — und da sie zugleich eine der schönsten Stimmen besitzt, die es überhaupt giebt, so ist sie zu einer Hauptfavoritin der Matinée geworden. <...> Sonst hat sich ihr Charakter nicht verändert — im Gegentheil. Der Erfolg hat sie noch mehr verdorben. Rücksichtslose brutale Eitelkeit — ist der eigentliche Grundton ihres Wesens — dabei ist sie dumm und unbeholfen wie ein Klotz <...>» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 77, 266. Письмо от 17 (29) октября 1868 г.). Характеристика, которую Анне Буссе дала Полина Виардо в своем дневнике, в основных чертах полностью совпадает с оценкой Тургенева (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

поблизости, он неизменно отправлялся туда, чтобы вместе с П. Виардо и другими ученицами ее послушать. В мае 1869 года Магдалена Мурьян выступала в «Женитьбе Фигаро» в Карлсруэ перед тем, как ей предложили место в местной труппе:

«Госпожа Виардо вместе с отдельными ученицами, а также с Тургеневым приехали на это представление из Бадена, и после представления все вместе мы приятно провели время в гостинице „Наследный принц“». ⁴⁸

А когда дирижер Герман Леви сделал молодой певице шутовское замечание, Тургенев выразил свое несогласие:

«В шутовой форме он <Леви. — *Н. Ж.*> побранил меня за несколько небольших нововведений, которые я позволила себе при выходе из кабинета графини. На этом месте Тургенев возразил, однако, что это было даже очень мило! Ему показалось, как будто рыбка в чистой речушке долго плыла прямо и вдруг — он сделал при этом соответствующее движение рукой — из чистого удовольствия выпрыгнула немного вверх». ⁴⁹

В. А. Рубинштейн вспоминала, как однажды она отказалась от выступления на утреннике: «Неслыханная дерзость! На другой день у меня был урок. С замирающим сердцем вошла я в будуар и, пробираясь за ученицами, села в уголок. Виардо сделала вид, что меня не замечает. Кто-то что-то пел. Прошел час, другой: кончились арии, дуэты, сольфеджи, наконец распустили других. Тогда Виардо, не вставая с места и не глядя на меня, протянула руку за моей тетрадь, поставила ее на пюпитр, расправила листы обеими руками и ударила энергичный аккорд. Можно себе представить, какой последовал речитатив; она остановила меня, начала снова... опять остановила и, не оборачиваясь, сказала строго: „Когда я приказываю моей ученице петь, никто не смеет отказываться. У вас невозможный характер, вас ожидает много горя в жизни“. Я что-то хотела сказать, но слезы душили. Опять энергичный аккорд, и на этот раз кой-как я дошла до конца злополучной арии. Вдруг повернулась

⁴⁸ «Frau Viardot mit sämtlichen Schülerinnen und auch Turgeniew waren zu dieser Vorstellung von Baden herüber gekommen und nach der Vorstellung waren wir alle noch im Erbprinzen mit einander vergnügt» (*Koelle (Murjahn)*, S. 57).

⁴⁹ «Scherzend rügte er <Levi. — *Н. Ж.*> nur einzige kleine Verzierungen, die ich beim Heraustreten aus dem Kabinete der Gräfin mir erlaubt hatte. Da erwiderte Turgeniew aber, das wäre sogar sehr nett gewesen! Ihm käme das vor, als wenn ein Fischlein im klaren Bach lange seinen Weg gerade aus genommen und plötzlich — er machte die entsprechende Bewegung mit der Hand dazu — vor lauter Vergnügen ein bischen in die Höhe schnelle» (*Ibid.*).

ко мне, взяла за обе руки и растроганным голосом: „Ну, перестань, — сказала она, — ты балованное дитя! помиримся — ведь ты знаешь, что я люблю и тебя и Антона!“ Я бросилась ей на шею. Она простила меня и даже на следующее воскресенье заставила петь при каких-то царственных особах.

Кто никогда не забыл и не простил — это Тургенев». ⁵⁰

Даже после того, как они завершали учебу, Тургенев продолжал интересоваться дальнейшей судьбой учениц Полины Виардо. Когда Карен Хольмсен в первый раз отправилась в Берлин, Тургенев обратился к Пичу и, снабдив его подробным описанием внешности молодой норвежки, просил от имени П. Виардо встретить ее на вокзале. ⁵¹ В одном из писем к Полине Виардо он просил предупредить Дезире Арто, «что при встрече я расцелую ее в обе щеки — это не грозит последствиями, я ведь — всего лишь старый подагрик». ⁵² А в 1869 году, когда Арто гастролировала в Москве, при посредстве Тургенева состоялось знакомство его брата Н. С. Тургенева с певицей, о которой писатель отозвался как о своей «большой приятельнице». В 1875 году он также снабдил ее рекомендательным письмом к В. Н. Третьяковой. ⁵³

Особенно внимательно Тургенев следил за первыми шагами на сцене Аглаи Оргени. Когда она поступила в труппу Берлинского Королевского театра, он через Пича неизменно передавал привет «Аглае». ⁵⁴ В другом письме к Пичу он выразил свой восторг после выступления Оргени в опере Мейербера «Гугеноты», на котором присутствовал:

«Должен Вам сказать, что третьего дня я был в Карлсруэ — и видел фрейлейн Аглаю в „Гугенотах“ — и заявляю, что со времен Валентины

⁵⁰ *Рубинштейн*.

⁵¹ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 42, 236. Письмо от 26 мая (7 июня) 1866 г.

⁵² «que je l'embrasserai sur les deux joues, quand je la verrai. De la part d'un vieux goutteux, c'est sans conséquence» (Там же. С. 101–102, 254. Письмо от 1, 3 (15, 16) февраля 1867 г.).

⁵³ См. письмо к Н. С. Тургеневу от 28 октября (9 ноября), а также письма к нему же и к Д. Арто от 15 (27) ноября 1869 г.: Там же. Т. 10. С. 75, 88–89; письмо к В. Н. Третьяковой от 24 августа (5 сентября) 1875 г.: Там же. Т. 14. С. 134.

⁵⁴ См.: Там же. Т. 6. С. 158, 167. Письма от 10 (22) сентября и 4 (16) ноября 1865 г. В последнем он упоминает другую ученицу Виардо: «Поклонитесь фрейлейн Аглае; фрейлейн фон-Пелльниц я пишу сам» («Grüssen Sie Fr-lein Aglaia; Fr-lein von Pöllnitz schreib' ich selber»). А. Оргени добавляет, что с тех пор, как ее приняли в Королевский театр: «В доме у Виардо и среди всех друзей меня называют теперь не иначе как „королевской“ — Тургенев меня замучил этим до смерти» («Im Hause Viardot und bei allem Freunden heiße ich jetzt nur die „Königliche“ — Turgenjew quälte mich zu Tode damit»). Цит. по: *Brand*. S. 165).

в исполнении г-жи Виардо я не видел *ничего* подобного. Я был поражен *пылом страсти* (да, да!), трагической силой трактовки, благородством пения и каждого движения, проявленным ею особенно в 4-м действии. <...> *Здесь* просто надо обнажить голову и поклониться — что я и сделал — тем охотнее, чем менее этого ожидал. Это настоящая артистка <...>». ⁵⁵

А когда она дебютировала в Париже, Тургенев взял на себя роль представителя семьи Виардо — и своего рода хроникера ее выступлений на сцене и в концертах. ⁵⁶ Но кроме того, Тургенев делал ученицам рекламу среди своих знакомых. Максимилиана Фредро, например, он просил «пойти сегодня вечером в концерт и *подогреть*, если вам это будет угодно, успех м-ль Оргени». ⁵⁷

Благодаря постоянному общению и совместным выступлениям ученицы сплотились в веселую компанию. Пич описывает угощения в узком кругу после музыкальных утренников:

«В то время как по завершении утренника гости, выразив устроителям и хозяйкам восторженную благодарность, откланивались, самые близкие друзья и небольшое число приглашенных возвращались через сад, мимо цветочных клумб и боскетов, на виллу Виардо, где в обеденной зале, стены которой были обшиты деревянными панелями, а на окнах которой золотисто-зеленой завесой свешивался снаружи виноград, нас ожидал обед, преисполненный веселья и остроумных шуток». ⁵⁸

В одном из писем к родителям Аглая Оргени описывает забавный эпизод, случившийся 13 октября 1864 года. После домашнего концерта

⁵⁵ «Ich muss Ihnen sagen, dass ich vorgestern in Carlsruhe gewesen bin — und F-lein Aglaia in den „Hugenotten“ gesehen habe — und erklären muss — dass seit der Valentine von Mme Viardot — ich *nie* etwas Ähnliches gesehen habe — und dass *die Glut der Leidenschaft* (ja, ja!), die tragische Kraft der Auffassung, der Adel des Gesanges, jeder Bewegung, die sie namentlich im 4-ten Act entwickelt hat, mich in das grösste Erstaunen versetzt haben. <...> *Da* muss man den Hut abziehen und sich verneigen — und das hab' ich gethan — desto williger, je weniger ich erwartet hatte. Das ist eine wahre Künstlerin <...>» (ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 56, 260. Письмо от 3 (15) сентября 1868 г.).

⁵⁶ См. письмо к П. Виардо от 17 (29) марта 1869 г.: Там же. С. 189; а также: *Brand*. S. 251–253.

⁵⁷ «d'aller ce soir au concert et de *chauffer* s'il vous plaît le succès de Mlle Orgeni» (ПССуП(2). Письма. Т. 6. С. 159, 232).

⁵⁸ «Wenn die Gesellschaft sich nach dem Schluß der Matinee mit enthusiastischen Danksagungen gegen die Veranstalter und Gastgeber verabschiedet hatte, gingen die intimeren Freunde und einige wenige eingeladene Gäste durch den Garten zwischen seinen Blumenbeeten und Bosketts zur Villa zurück, in deren Speisesaal mit den getäfelten Wänden, vor dessen Fenstern das hereinhängende Weinlaub goldig grüne Vorhänge bildete, uns das heiterste geistgewürzte Mittagsmahl erwartete» (*Pietsch. Schriftsteller*. S. 508).

Аглая Оргени.
Рисунок А. Фейербаха (1865)

гости, и в первую очередь прусская королева, поздравили выступавших с успехами, а затем

«...произошла сцена, которая меня очень развеселила и втайне доставила удовольствие. Поскольку начинался дождь, а мы были разгорячены, тетушка Полина заметила по-испански своему супругу, что можно было бы заложить коляску, чтобы отвезти нас домой. Однако, по его мнению, дождя никакого не было и было бы неплохо пройтись пешком. Этот испанский диалог, который я, кстати, полностью поняла, очень меня позабавил. Тетушка Полина не настаивала, и он остался победителем. Мы отправились пешком под зонтиками домой <...>».⁵⁹

И в самом деле, вопрос о том, как эти молодые дамы добирались домой с виллы Виардо, которая находилась за пределами тогдашнего

⁵⁹ «...kam eine Szene, die mich hoch belustigte und heimlich anmutete. Es hatte nämlich zu regnen angefangen, wir alle waren sehr erhitzt und Tante Pauline meinte spanisch zu ihrem Gemahl, man könne wohl einspannen, um uns nach Hause zu fahren. Er aber fand, es regne gar nicht und es wäre ganz angenehm, zu Fuß zu gehen. Dieses spanische Zwiegespräch, das ich übrigens vollkommen verstand, ergötzte mich sehr. Tante Pauline insistierte nicht, und er blieb Sieger. Wir marschierten unter Parapluien heim <...>» (*Brand. S. 142–143*).

города, был в те времена не последней важности. На этот счет Аглая успокаивала своих родителей:

«Вы должны знать, что он <Тургенев. — *Н. Ж.*> выступает обычно в качестве нашего кавалера. Почти каждый вечер около полуночи я возвращаюсь с ним под руку домой, а Пёльниц — с домашним врачом д-ром Фриссоном <...> Добавлю для вашего спокойствия, что у обоих господ седые волосы, хотя нет, у доброго доктора красный нос, а вот у Тургенева, который, замечу вскользь, в своем роде очень красив, у него седые волосы».⁶⁰

Однако Аглая Оргени, по всей видимости, рассказала родителям не всю правду. Тургенев, оказывается, был именно тем человеком, которому доверялись секреты. В одном из писем к Оргени Полина Виардо от имени Тургенева несколько ехидно напоминала о более бурных сценах:

«Тургенев поручает мне передать знаменитой примадонне свои наилучшие пожелания и предупреждает, что на днях она получит письмо, написанное in Knittelversen ohne Reime <книттельферсом без рифм — *нем.*>, темой которого будут ночные прогулки в долине Тиргартена, столь часто орошаемые, как и его жилет, как он выразился, слезами вышеозначенной примадонны».⁶¹

Поскольку речь идет преимущественно о молодых «девицах», не удивительно, что случались порой различные любовные истории. Известно, что причиной частых заездов Рубинштейна в Баден-Баден было присутствие там его невесты В. А. Чекуановой.⁶² О том, как Тургенев и Ви-

⁶⁰ «Ihr müßt wissen, daß er <Turgenjew. — *Н. Ж.*> gewöhnlich unser Kavalier ist. Fast jeden Abend gegen Mitternacht wandre ich an seinem Arme heim, die Poellnitz mit dem Hausarzt Dr. Frisson <...> Zu Eurer Beruhigung beigefügt, haben beide Herren weiße Haare, doch nein, der gute Doktor hat eine rote Nase und Turgenjew, der, beiläufig gesagt, in seiner Art sehr schön ist, hat die weißen Haare» (Ibid. S. 154. Письмо от 13 мая 1865 г.). Луиза фон Пёльниц (Luise von Pöllnitz) начала учиться у П. Виардо в 1864 г. и жила в одном доме с Оргени.

⁶¹ «Tourguéneff me charge de présenter à la célèbre primadonna ses meilleurs amitiés et la prévient qu'elle recevra l'un de ces jours une lettre de lui in Knittelversen ohne Reime, dont la thème sera les promenades nocturnes dans la vallée du Thiergarten, si souvent arrosées ainsi que son gilet, dit-il, par les larmes de la susdite primadonna» (Ibid. S. 189).

⁶² Л. Пич замечает, что после их свадьбы, состоявшейся в 1865 г., несмотря на то, что талант Рубинштейна ничуть не изменился, «казалось, однако, что пламя в сердцах его поклонниц стало вздыматься чуть ниже, чем прежде» («schiene aber dennoch die Flammen im Herzen seiner Verehreninnen etwas weniger hoch aufzuschlagen als ehemals <...>») (*Pietsch. Sommerfahrten.* S. 3).

ардо иногда дразнили молодых женщин за их настоящие или мнимые любовные истории, мы вновь узнаем из писем А. Оргени.

«Тургенев и госпожа Виардо все время надо мной подтрунивали из-за того, что мое сердце оставалось глухо. Тургенев мне постоянно твердил, что я хожу повсюду в накидке из ваты, элегантной, но ничего не пропускающей, и советовал мне все же подыскать себе Линдоро. Каждый вечер он встречал меня вопросом: „Eh bien, pas de Lindoro encore?“ «Ну что? Линдоро так и не появился?» — *франц.*» Мы много над этим смеялись».⁶³

А когда в одном пансионе с нею поселился на отдых молодой художник Ансельм Фейербах, Аглая сразу довела это до сведения Тургенева:

«Вечером я сказала Тургеневу: „Ah, j'ai trouvé un Lindoro. Je ne l'ai pas encore vu, mais c'est une occasion“ «Ах, я нашла себе Линдоро. Я его еще не видела, но представился удобный случай» — *франц.*» Мы смеялись и шутили <...> и этот молодой человек, которого я никогда не видела, стал с тех пор зваться „mon Lindoro“ «мой Линдоро» — *франц.*».⁶⁴

Однажды, когда А. Оргени заболела, Полина Виардо настояла на том, чтобы она осталась у нее, и сама за ней ухаживала. Это дало возможность Оргени по-новому оценить своего педагога:

«Эта женщина являет собой воплощенную гармонию, натуру, полную сил и одинаково развитую во всех областях. Именно это в ней и привлекает. При любых жизненных обстоятельствах эта женщина всегда стоит на верном месте, всегда держит верный тон, и это происходит потому, что ее сердце и разум находятся в равновесии. <...> Если бы вы только могли видеть, как недавно мадам Виардо вечерами простаивала у моей кровати, с какой добротой и любезностью заботилась она обо всех мелочах, сама для меня устраивала все необходимое! <...> Если забыть о небольшой физической

⁶³ «Turgenjew und Madame Viardot neckten mich die ganze Zeit über mein unempfindliches Herz. Turgenjew sagte mir immer, ich ginge umher mit einem Überzug von Watte, fein aber undurchbringlich, und riet mir immer, mir doch einen Lindoro anzuschaffen. Jeden Abend erste Frage: „Eh bien, pas de Lindoro encore?“ Wir lachten sehr darüber» (*Brand*. S. 157. Письмо к сестре Клотильде от 30 мая 1865 г.).

⁶⁴ «Ich sagte am Abend zu Turgenjew: „Ah, j'ai trouvé un Lindoro. Je ne l'ai pas encore vu, mais c'est une occasion“. Wir lachten und scherzten, <...> und diese nicht gesehene Jüngling hieß denn „mon Lindoro“» (*Ibid.*). Все это было в шутку, но когда Оргени заметила в тексте контракта, полученного ею от Берлинского королевского театра, пункт, по которому ей запрещалось выходить замуж, то она его вычеркнула, так как считала это требование «dumme Tyrannei» («глупой тиранией»). См.: *Ibid.* S. 162.

боли, это были чудесные дни, и я бы никогда не согласилась расстаться с ними».⁶⁵

Но и тут Тургенев не отставал. Он подарил больной экземпляр своего романа «Отцы и дети» с дарственной надписью и даже сам его с ней читал!⁶⁶ Легко можно себе представить, с каким удовольствием Тургенев выступал на сцене рядом с Аглаей Оргени в одной из оперетт, которые Полина Виардо сочиняла на его либретто.

Оперетты

Оперетты занимали особое место в педагогической деятельности Полины Виардо. Хотя музыкальные утренники перед изысканной публикой давали ученицам необходимый опыт будущей концертной жизни, многие из них готовились к карьере на оперных подмостках. Им надо было научиться не только петь перед публикой, но и двигаться — даже танцевать и петь одновременно — на сцене, играть роли, взаимодействовать с другими действующими лицами. Так как у П. Виардо учились только женщины, то недоставало готового репертуара, к которому можно было обратиться. И хотя Тургенев неизменно утверждал, что не обладает драматургическим талантом (в чем с ним не соглашались ведущие русские актеры, заказывавшие у него пьесы), на самом деле у него был большой опыт в этой области, и во второй половине 1860-х годов он написал ряд либретто. В них во всей полноте проявился легкий, ироничский юмор писателя, нередко направленный непосредственно на членов семьи Виардо — и на себя. В большинстве откликов на эти оперетты (а об этих представлениях сообщалось в музыкальной прессе по всей Европе) упоминались в первую очередь младшие дети Виардо (особенно Поль с его комическим талантом), однако самые большие требования, особенно с точки зрения музыки, предъявлялись хору учениц.

⁶⁵ «Diese Frau ist die verkörperte Harmonie, eine nach allen Seiten gleichmäßig entwickelte Natur voll Kraft. Das ist es, was an sie so anzieht. In welcher Lage des Lebens es immer sei, diese Frau steht immer am rechten Fleck, hat immer den rechten Ton und das kommt, weil bei ihr Herz und Kopf im Gleichgewicht sind. <...> Hättet Ihr nur neulich abends sehen können, wie Madame Viardot an meinem Bette stand, wie lieblich und gütig sie all Details dachte, mir selbst alles zurecht richtete! <...> Ein bißchen physischer Schmerz abgerechnet, waren es ein paar schöne Tage, und ich möchte sie nicht hergeben» (Ibid. S. 153–154).

⁶⁶ Ibid. S. 155–156.

Осенью 1867 года вилла Тургенева, располагавшаяся рядом с домом Виардо, уже была достроена, но стояла пустой. Первые представления двух оперетт — «Trop de femmes» (Слишком много жен») и «Le Dernier Sorcier» («Последний колдун») проходили в пустых комнатах первого этажа тургеневской виллы, которая получила название «Château enchanté» («Волшебный замок»). В предвкушении премьеры газеты пестрели сообщениями о том, как

«Часто днем далеко и отчетливо разносились в глубокой тишине этой укромной лесистой долины пленительные девичьи голоса, искусно сплетаясь в изысканное созвучие и перемежаясь с низкими мощными мужскими голосами в преисполненном грации и лукавства музыкальном диалоге».⁶⁷

А на представления хлынула избранная публика (в зале помещалось лишь 30 человек) из высочайших артистических и общественных кругов.⁶⁸ В первых опереттах была лишь одна мужская роль (если не считать комические роли для девятилетнего Поля Виардо). Ее исполнял друг Тургенева и семьи Виардо Луи Поме. Однако когда он должен был вернуться в Париж, а королева Августа заказала новые представления, то волей-неволей Тургеневу пришлось его заменить. А так как у Тургенева, к его огромному огорчению, не было голоса, он не пел. Единственная мужская роль в последующих опереттах «L'Ogre» («Людоед») и «Le Miroir» («Зеркало») уже создавалась с непосредственным расчетом на Тургенева — без пения!⁶⁹

⁶⁷ «An manchen Nachmittagen erklangen weit vernehmlich durch die tiefe Stille dieses heimlichen Waldthaales die lieblichsten Mädchenstimmen in kunstvoll zierlichen Tongeflecht verbunden, mit tiefen markigen männlichen Klängen wechselnd in anmuthreicher schalkhafter musikalischer Rede und Gegenrede» (*Pietsch Ludwig*. Heimfahrt auf Umwegen. VI // Vossische Zeitung. 1867. 10. November. N 264 (Sonntags-Beilage N 45). S. 177).

⁶⁸ Об истории этих представлений см.: *Žekulin Nicholas G. The Story of an Operetta: Le Dernier Sorcier by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. Part I: Badineries in Baden-Baden*. München. 1989 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 15). Далее — *Žekulin. Badineries*.

⁶⁹ В своем дневнике Полина Виардо замечает: «Что меня часто удивляло, так это то, что звучный в разговоре голос совершенно заглушался, как только речь заходила о попытках запеть» («Voilà une chose qui m'a souvent étonné, c'est que cette voix assourdissante dans la conversation soit complètement éteinte dès qu'il s'agit d'essayer de chanter») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5. Запись от 11 июля 1868 г.). Музыкальные материалы, которые хранятся в Хоутонской библиотеке, доказывают, однако, что музыка для этих ролей все-таки сочинялась (например, для роли Людоеда),

Первые представления оперетт прошли в 1867 году, уже после того, как Аглая Оргени закончила свое обучение у Полины Виардо, тем не менее по крайней мере на одном из них она выступила. По желанию королевы Августы, начиная с того же 1867 года, давались особые торжественные представления в честь дня рождения крон-принца Фридриха — 17 октября. Подобное торжественное представление состоялось и в 1868 году, когда давался «Людоед». Сохранилась (печатная) программа этого представления, из которой следует, что Тургенев исполнял «свою» роль Людоеда, Полина Виардо — главную положительную мужскую роль принца Сафира, а приехавшая в гости Аглая Оргени — главную женскую роль принцессы Алели.⁷⁰ Об этом представлении Тургенев сообщил Л. Пичу: «Аглая была очень красива и пела очень хорошо — успех колоссальный!».⁷¹

Успех «*Théâtre du Thiergarten*» («Театра Тиргартена») в доме Тургенева заставил чету Виардо построить настоящий маленький театр рядом с *Kunsthalle* (храмом искусства). Строительство снова затянулось, и торжественное открытие, на котором исполнялся «Последний колдун», состоялось лишь 13 августа 1869 года. В театре была настоящая сцена, небольшая оркестровая яма и зрительный зал.⁷² Через две недели после открытия снова давался «Последний колдун» в музыкальном сопровождении Иоганнеса Брамса.⁷³

несмотря на то что Тургенев не должен был петь (см., например: Houghton Library, b 2011M-3. Folder 31).

⁷⁰ Факсимиле программы см.: *Pauline Viardot in Baden-Baden*. S. 49. Второй экземпляр этой программы находится в Хоутонской библиотеке (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 31). Возможно, что они и раньше выступали вместе. В письме к Кларе Шуман от 18 сентября 1868 г. П. Виардо приглашает ее на представление «Последнего колдуна», которое должно было состояться 19 сентября и было последним из-за отъезда Аглаи Оргени (см.: Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz. Musikabteilung; любезно сообщено П. Уоддингтоном). Аглая могла, конечно, вернуться в октябре, чтобы принять участие в представлении «Людоеда». В «Последнем колдуна», по всей видимости, она исполняла роль Стеллы, а Тургенев, как всегда, заглавную роль.

⁷¹ «*Aglaia sah sehr schön aus und sang sehr gut — der Erfolg war immens!*» (*ИССУИ(2). Письма*. Т. 9. С. 77, 266. Письмо от 17 (29) октября 1868 г.).

⁷² Подробнее о постройках вокруг дома Виардо и о доме Тургенева, с рисунками и планами см.: *Kraetz Julius*. Das Schlößchen und das Theater im Thiergarten // *Beiträge zur Geschichte der Stadt und des Kurortes Baden-Baden*. o. J. H. 13. S. 7–17.

⁷³ *Žekulin. Badineries*. P. 49.

Дети Виардо в семейном кругу

Ведь правда, таких детей, как ваши, немного, а другой Диди нет в целом свете. Не читайте ей этого: ей нет нужды слышать эти слова, чтобы знать, что я ей принадлежу <...>⁷⁴

Наглядным доказательством того, какое место Тургенев занимал в семье Виардо, служит то обстоятельство, что он был крестным отцом Луизы и Клоди, а также выступал в качестве свидетеля на свадьбах Клоди и Марианны. Кроме того, сыну Луизы, родившемуся в баденской квартире Тургенева, дали имя *Louis-Jean-Paul*, — Тургенев был и *его* крестным отцом!⁷⁵

Все четверо детей четы Виардо были несомненно одаренными. Луиза, которая училась пению у матери, выступала на профессиональной сцене в России, преподавала в разных странах и стала серьезным композитором.⁷⁶ Марианна также училась пению у матери, но, несмотря на явный талант, никогда не выступала профессионально. Поль стал известным скрипачом-виртуозом.⁷⁷ А дар любимицы Тургенева, Диди, проявился на другом поприще.

⁷⁴ «Il est vrai de dire qu'il n'y a pas beaucoup d'enfants comme les vôtres, et il n'y a qu'une Didie au monde. Ne lui lisez pas cela: elle n'a pas besoin d'entendre ces mots pour savoir que je lui appartiens <...>» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 84–85, 331. Письмо к П. Виардо от 27 июня (9 июля) 1862 г.). 22 мая 1868 г., в день после 16-летия Клоди, П. Виардо записала о ней в своем дневнике: «Кроме отсутствия приверженности к порядку, у нее нет недостатков. Она мила, добра, нежна, умна — и умеет вызвать к себе любовь всех окружающих. Ее способности к рисованию оказались для меня громом среди ясного неба. — Увы, это была наша ошибка — в Бадене этому не научат — нет учителей, нет образцов <для подражания>, нет соперничества, жаль» («Sauf du désordre, elle n'a pas de défauts. Elle est douce, bonne, tendre, intelligente — et se fait aimée de tout le monde. Son aptitude pour le dessin me fait l'effet de foudre. — Hélas, ce sera pourtant notre faute — à Bade ne peut pas apprendre — pas de maîtres, pas d'exemples, pas d'émulation, c'est dommage») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

⁷⁵ Из-за атеистических убеждений Луи Виардо, как Луизу, так и Клоди не крестили в детстве; Луиза крестилась перед свадьбой в 1863 г., а Клоди — в Баден-Бадене 10 ноября 1871 г. См.: *Waddington Patrick. Some Amendments and Additions to the Garcia and Viardot Genealogies // N Z Sl J*. 1983. P. 219; см. также письмо Тургенева к Луи Поме от 12 (24) апреля 1864 г.: *ИССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 17.

⁷⁶ В последнее время ее фортепьянные квартеты стали исполняться и даже была сделана запись (Ensemble Viardot. Ars Produktion DH4202. 2007).

⁷⁷ В дневнике Полины Виардо есть трогательное описание материнского волнения при первом профессиональном выступлении сына 19 ноября 1876 г. в извест-

Клоди Виардо.
Рисунок Полины Виардо (1868).
Частная коллекция

В изобразительном таланте Диди еще с раннего детства никто не мог сомневаться. Желанным и ожидаемым подарком ко дню рождения Тургенева была картина от Диди.

«Передайте Диди, что к моему возвращению я ожидаю от нее прекрасного рисунка, того самого, что она должна мне с 9 ноября. Поцелуйте ее за меня, а также Марианну и Поля. Скажите им, что я буду доволен лишь тогда, когда буду сидеть в их комнате на одном из тех знаменитых стульев, со спинками в виде бычьих рогов».⁷⁸

Полина Виардо считала, что единственным недостатком Баден-Бадена было то, что там не было ни подходящего учителя, ни достойного собрания картин, которые могли бы послужить хорошими образцами. В феврале 1867 года Клоди уехала с матерью в Берлин на два месяца, но из-за отсутствия Оскара Бегаса, у которого она должна была брать

ных концертах Паделу (Pasdeloup), где он исполнял концерт Мендельсона (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5). Сохранились две записи Поля Виардо (Pearl BVA 1. 1991; Testament TES 21323. 2004).

⁷⁸ «Dites à Didie que je m'attends à un beau dessin pour mon retour, le dessin qu'elle me doit depuis le 9 novembre. Embrassez-la de ma part ainsi que Marianne et Paul. Dites-leur que je ne serai content que quand je serai assis dans leur chambre, sur une de ces fameuses chaises dont le dos représente les deux cornes d'un taureau» (ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 224, 360. Письмо к П. Виардо от 17 (29) ноября 1863 г.).

уроки, надежды не оправдались.⁷⁹ Именно поэтому семья Виардо — и, естественно, Тургенев вместе с ними — переселилась в Карлсруэ зимой 1868/1869 года, в надежде найти для Клоди хорошего учителя в этом городе. Надежды снова оказались напрасными. В письме к Пичу Тургенев сообщал: «Диди очень усердно работает; ко дню моего рождения она приготовила мне „Снятие с креста“ — настоящее чудо! У ребенка в голове больше воображения, чем у 10 Лессингов!».⁸⁰ Решение провести зиму 1870 года в Веймаре было также принято преимущественно ради Диди. Там, наконец, нашелся и подходящий учитель — Шарль Верла (Verlat).⁸¹

С уходом Полины Виардо со сцены и переездом в Баден-Баден изменились семейные обстоятельства. Если раньше нередко приходилось оставлять старшую дочь, Луизу, с родными во время гастролей Полины, то младшие дети выросли в тесном семейном окружении. Девочки, по всей видимости, получили домашнее образование; Поль стал — очень неохотно — ходить сначала в местную школу, а затем — столь же неохотно — поступил в гимназию в Карлсруэ.⁸²

Едва ли может любой дом, в котором живут дети, избежать шума и беспорядка, и дом Виардо в Бадене не являлся исключением. Аглая Оргени оставила описание того, как проходили приготовления к очередному музыкальному утреннику, на котором было решено исполнить новую аранжировку песнопения «Ave Maria»:

«Она <Полина Виардо. — *Н. Ж.*> садится за стол и пишет. Между тем приходят письма, посетители, дети должны еще что-то разучивать — и вот „Ave Maria“ готова. Вместе с Жанной <Марсель. — *Н. Ж.*> я иду за пианино в детскую, чтобы ее пропеть. Тем временем госпожа Виардо принимает камергера короля Бельгии, который также извещает о своем предстоящем визите. Вот так! Наконец он уходит, наша дорогая наставница с бутербродом в руке выходит к нам: „allons essayer un peu sans harpe et puis vous reviendrez

⁷⁹ См. письма к П. Виардо от 10 (22) и 12 (24) февраля 1867 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 107, 108.

⁸⁰ «*Didie arbeitet fleissig; sie hat mir zu meinem Geburtstag eine „Kreuzabnahme“ gemacht — ein wahres Wunder! Das Kind hat mehr Imagination im Kopfe als 10 Les-singe!*» (Там же. Т. 9. С. 95–96, 276. Письмо от 19 ноября (1 декабря) 1868 г.). Речь идет об известном художнике, видном представителе так называемой «дюссельдорфской школы» живописи, Карле Фридрихе Лессинге (1808–1880).

⁸¹ О пребывании в Веймаре см.: *Fischer Klaus-Dieter, Žekulin Nicholas G. Die Beziehungen Pauline Viardot und Ivan Turgenevs zu Weimar. Hildesheim (Studien zu Pauline Viardot-García. Bd. 5) (в печати).*

⁸² *Viardot Paul. Souvenirs d'un artiste. Paris, 1910. P. 19–20. Далее — Paul Viardot.*

ce soir avec Hélène Heermann et nous allons répéter“ <<давайте попробуем исполнять без арфы, а потом вы вернетесь с Элен Хеерман и мы будем репетировать» — *франц.*>. В 3 часа мы уходим, а в 7 вновь возвращаемся и остаемся до полуночи».⁸³

Дети, очевидно, нередко находились в центре внимания. Им поручались «ответственные» решения. Когда от любимой охотничьей собаки Тургенева Пэгаза родились щенки, дети должны были дать кличку щенку, который достался писателю: «...для этого юного существа какое-нибудь очень поэтичное имя — но на сей раз не „Клистир“! Что-нибудь пленительное и возвышенное! Я чувствую тяготение к *идеальному*».⁸⁴ В итоге была выбрана кличка, которую предложила Клоди, — Diane (Диана).⁸⁵ В другой раз дети дали название комнате в новом доме Тургенева, где останавливались гости: Chambre de Pietsch (комната Пича).⁸⁶ С ними играли в тщательно разработанные игры вокруг вымышленного персонажа г-на де Массенбаха (Mr de Massenbach), особенно в день дураков.⁸⁷ «Ответственность» — по крайней мере со стороны Диди, которая действительно хорошо знала свою власть над Тургеневым, — доходила до роли блюстителя порядка! Когда Тургенев сообщил Полине Виардо о том, что собирается обедать с Н. В. Ханьковым, известным гурманом, он поспешил добавить: «Но пусть строгая

⁸³ «Sie <Pauline Viardot. — *Н. Ж.*> setzt sich und schreibt. Mittlerweile kommen Briefe; Besuche, die Kinder müssen noch etwas einüben — dann ist das Ave Maria fertig. Ich gehe es mit Jeanne <Marcel. — *Н. Ж.*> an dem Piano der Kinder durchsingen. Einstweilen empfängt Madame Viardot den Besuch des Kammerherrn des Königs der Belgier, welche Majestät sich auch ansagen läßt. So! Endlich ist er fort, mit einem Butterbrot in der Hand kommt die liebe Frau Meisterin zu uns, „allons essayer un peu sans harpe et puis vous reviendrez ce soir avec Hélène Heermann et nous allons répéter“. So geht man um drei und kommt wieder um sieben Uhr bis Mitternacht» (*Brand*. S. 143. Письмо к родителям от 20 октября 1864 г.). Жанна Марсель также была ученицей Полины Виардо; она жила в Баден-Бадене вместе с матерью, Полиной. К г-же Марсель Полина Виардо посылала тех из своих учениц, кто нуждался в дополнительных уроках основ музыкальной грамоты (гармонии, чтения с листа и т. п.). Елена Хеерман (Hélène Heermann) — сестра скрипача Гуго Хеермана, арфистка.

⁸⁴ «...quelque nom bien poétique pour cette jeune personne — pas de „Clysther“ — cette fois! Quelque chose de suave et d'éthéré! Je me sens dans une veine *idéale*» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 6. С. 147, 227. Письмо к П. Виардо от 19 июня (1 июля) 1865 г.).

⁸⁵ См. письмо к Клоди, Марианне и Полну Виардо от 21 июня (3 июля) 1865 г.: Там же. С. 149.

⁸⁶ Письмо к Л. Пичу от 9 (21) апреля 1866 г.: Там же. Т. 7. С. 30.

⁸⁷ См.: Там же. С. 143, 149; Т. 8. С. 164.

Диди не хмурит бровки, это ведь Страстная Пятница — будет рыба и совсем немного вина».⁸⁸

Общеизвестно, что, когда Тургенев уезжал, он регулярно и часто писал письма «домой» — Полине Виардо, но также и детям.⁸⁹ Последние, как и их письма к нему, неизменно сопровождались многочисленными рисунками. 28 января (9 февраля) 1865 года Тургенев писал Полине Виардо: «Скажите детям, что я все еще жду от них ответа на посланное им письмо и надеюсь, что ответ этот будет с рисунками Диди. — Ведь в моем же письме были рисунки».⁹⁰

⁸⁸ «Mais que la sévère Didie ne fronce pas le sourcil; ce sera un dîner de Vendredi Saint — du poisson et fort peu de vin» (Там же. Т. 9. С. 183, 299. Письмо от 14 (26) марта 1869 г.). Физическая полнота Ханыкова достигла сказочной славы в семье Виардо. Отдыхая на берегу моря, Клоди писала матери: «Льет дождь, ветер дует так, что может поднять господина Ханыкова, море гудит и подбрасывает лодки как ореховые скорлупки» («Il pleut, il vente à déraciner Monsieur Khanykoff, la mer gronde et fait sauter les malheureuses barques comme des coquilles de noix») (Houghton Library. MS Mus 232 (14). Письмо без даты).

⁸⁹ Дневник П. Виардо, хранящийся в Хоутонской библиотеке, свидетельствует о том, как она волновалась, когда Тургенев уезжал, особенно когда он ездил в Россию. «Я со страхом вижу, как он уезжает» («Je le vois parti avec crainte»), — пишет она 13 января 1864 г. А 23 июня 1868 г. она доверяет своему дневнику: «Тургенев уехал 14 числа в Петербург. — Он обещал вернуться к моему дню рождения, 18 июля — дай Бог! Сегодня наконец пришло от него 1-е письмо, помеченное С.-Петербургом. — Бедный друг так прилип здесь, что у него едва хватает времени, чтобы переделать свои дела в России. — Он обещал написать с границы, он этого не сделал, так что промежуток между его 2-м и 3-м письмом был чем-то ужасным. Дорогой друг, да вернет его нам Господь живым и здоровым, и довольным» («Tourguéneff est parti le 14 pour Pétersbourg. — Il a promis d'être de retour pour l'anniversaire de ma naissance, le 18 juillet — Dieu le veuille! Aujourd'hui est enfin arrivée sa 1-re lettre datée de St. Pétersbourg. — Le pauvre ami s'est tant attaché ici qu'il n'a que tout juste le temps de faire tout ce qu'il doit faire en Russie. — Il a promis d'écrire de la frontière, il ne l'a pas fait, de sorte que l'intervalle énorme entre sa 2-de lettre et la 3-me a été quelque chose de terrible. Cher ami, que Dieu nous le ramène bientôt sain et sauf, et content»). Месяц спустя, 11 июля, она жаловалась: «Эта неуверенность в том, куда адресовать письма к нему, уверенность быть прочитанной материнским оком полиции — да еще отблеск впечатлений, который во мне вызывали письма, все это совсем не располагает к общительности» («Cette incertitude de savoir où lui adresser les lettres, la certitude d'être lue par l'œil maternel de la police — et puis le reflet de l'impression que me causaient les lettres, tout cela n'est guère fait pour engager à être bien communicatif») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

⁹⁰ «Dites aux enfants que j'attends encore la réponse à la lettre que je leur ai écrite et j'espère bien que cette réponse sera illustrée par Didie. — J'ai bien illustré ma lettre!» (ИССИП(2). Письма. Т. 5. С. 264, 380). Следующее письмо к Полине от 31 января (12 февраля) подтверждает, что при письме от Луи было «la missive collective des trois enfants» («коллективное послание троих детей») (Там же. С. 265, 380).

Сохранившееся письмо от него к Клоди, Марианне и Полю от 21 июня (3 июля) 1865 года обильно украшено рисунками.⁹¹ Когда он был в отъезде, он постоянно вспоминал и думал о них. Из Спасского летом 1868 года он писал: «Две великолепные сосны редкой породы растут вплотную друг к другу вот каким образом: <рисунк> (они уже очень высокие и вызывают у меня в памяти Диди и Марианну) посреди красивой лужайки».⁹²

Беспокойство о здоровье Диди наводит его на мысль о целебной природе в Спасском и заставляет мечтать о том, как вся семья Виардо придет посетить его русское «гнездо»: «Это очень меня развлекает. Я вдруг начинаю воображать себе, как Диди идет по одной из аллей сада и т. д. и т. д. А между тем время летит, как раз сегодня наступил благословенный июль месяц... Терпение! Терпение!».⁹³

Клоди суждено было приехать в Россию лишь в 1883 году, когда она с мужем Жоржем Шамро, представляя семью Виардо, сопровождала бранные останки Тургенева на родину. Но и на этот раз, в 1868 году, Тургенев должен был набраться больше терпения, чем ожидал: несмотря на твердое намерение вернуться, как обычно, к большому семейному празднику — ко дню рождения Полины Виардо, отмечавшемуся 18 июля, из-за очередного припадка подагры он вынужден был задержаться в России и не успел доехать вовремя. А в другом письме он описывает (с иллюстрациями различных выражений своего лица) сцену на вокзале: «А когда приеду на вокзал в Баден-Бадене и увижу на платформе фигурки неких маленьких морских обезьянок, которых люблю всем сердцем, — вот каким я буду: <рисунк>. — Я не стану красивым, но буду очень счастлив, — и вы тоже, не правда ли?».⁹⁴

⁹¹ См.: Там же. Т. 6. С. 148–149.

⁹² «Deux magnifiques pins d'une espèce rare, poussent, collés l'un à l'autre (comme cela: <рисунк> ils sont déjà très grands, ils m'ont fait penser à Didie et Marianne), au milieu d'une jolie pelouse <...>» (Там же. Т. 9. С. 23, 244).

⁹³ «Cela m'amuse beaucoup. Je me surprends à m'imaginer Didie marchant dans une allée du jardin, etc., etc. — Et cependant le temps passe et nous sommes dès aujourd'hui dans le bienheureux mois de juillet... Patience! Patience!» (Там же. С. 19, 241. Письмо к П. Виардо от 19 июня (1 июля) 1868 г.). См. также предыдущее письмо к ней: Там же. С. 18.

⁹⁴ «...et quand j'arriverai à la gare de chemin de fer de Bade; quand j'apercevrai sur la plateforme certaines figures de petits singes marins que j'aime de tout mon cœur — voilà comme je serai: <рисунк> Je ne serai pas beau, mais je serai bien content — et vous aussi, n'est-ce pas?» (Там же. Т. 6. С. 149, 227).

Марианна Виардо.
Рисунок Людвиг Пича

«*Singes marins*» (букв.: «морские обезьянки») — было, очевидно, семейное прозвище для трех младших детей. В письме от 18 декабря 1865 года к матери, уехавшей в Берлин, Диди пишет:

«Но я не могу представить себе, что ты сейчас так далеко от нас, когда думаю, что еще третьего дня вечером ты была в Баден-Бадене и что железная дорога в такой короткий срок унесла тебя так далеко от Тиргартена и от твоих „морских обезьянок“». ⁹⁵

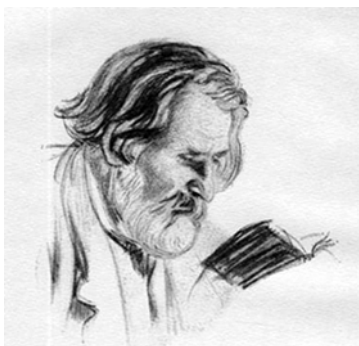
А в той части письма, которую написала Марианна, она успокаивает маму, что семейная рутина мало изменилась в ее отсутствие:

«Тургенев пришел сегодня утром, когда мы завтракали; он двигался своим обычным путем и когда достиг твоего места, спросил „Как поживае*те*?“ у Диди, которая сидела на твоём месте». ⁹⁶

Четыре года спустя от Клоди поступил очередной отчет о домашних делах для матери, которая на этот раз находилась в Веймаре, где готовилось представление «Последнего колдуна»: дети росли, и их интересы расширялись.

⁹⁵ «Mais je ne puis me figurer que tu es si loin de nous quand je pense qu'avant hier <sic!> au soir tu étais encore à Bade, et que le chemin de fer t'a emmené en si peu de temps si loin du Thiergarten et de tes petits „*singes marins*“» (Houghton Library. MS Mus 232 (14)).

⁹⁶ «Tourguénéff est venu ce matin pendant que nous dejeunions <sic!>; il a fait son tour ordinaire, et quand il est arrivé à ta place il a demandé „comment allez-*vous*?“ à Didie qui était à ta place» (Ibid.).

И. С. Тургенев.
Рисунок Людвиг Пича (1868)

«Как поживает твой друг Лист? <...> Мне очень интересно, что он скажет об оперетте, но ему не остается ничего иного, как хорошо держаться, потому что, если он не будет в восторге, — я его навеки отвергну!!!!

Сегодняшней ночью папа хорошо спал, несмотря на ужасный ветер. Я трудилась над Магдалиной, что меня очень занимает; после обеда Тургенев продолжил утомительное чтение „Веверли“, потом мы с Марианной в четыре руки разбирали Шуберта. Мы немного пофилософствовали обо всем, что было более или менее интересно. Но мама, как хорошо, что ты скоро возвращаешься, чтобы спасти „Meistersinger“ <<Мейстерзингеров» — нем.>, потому что Тургенев пользуется твоим отсутствием, чтобы разрушить их как можно больше! *Трус!* Малыш Лулу чувствует себя уже совсем хорошо, он много говорит о бабушке и умеет уже находить Веймар на карте. Но я так хочу увидеть дорогую мамочку, но я так счастлива, что она немного развлекается, что потерплю еще немного. Дорогой папочка тоже потерпит».⁹⁷

⁹⁷ «Comment se porte ton ami List <sic!>? <...> Je suis bien curieuse de ce qu'il dira de l'opérette; mais il n'a qu'à bien se tenir, car s'il n'en est pas enthousiasmé — je le renie à jamais!!!!

Papa a bien dormi cette nuit malgré le vent terrible qu'il fait. J'ai travaillé à la Madeleine qui m'amuse beaucoup à faire; après le dîner Tourguénéf a continué la lecture languissante de Waverley, puis Marianne et moi avons déchiffré du Schubert à 4 mains. Sur cela nous avons un peu philosophé, sur toutes sortes de choses plus ou moins intéressantes <sic!>. Mais maman, il est heureux que tu viennes bientôt, pour sauver les Meistersinger, car Tourguénéf profite de ton absence pour les démolir tant qu'il peut! *Le lâche!* Petit Loulou va tout-à-fait bien maintenant, il parle beaucoup de bonné-maman, et sait déjà trouver Weimar sur la carte. Mais j'ai un grand désir de revoir ma maman, mais je suis si heureuse de savoir qu'elle s'amuse un peu, que je patienterai bien encore quelque temps. Cher papa en fera bien de même» (Ibid.). Лулу — сын Луизы Эритт-Виардо.

Чтение вслух было обычным вечерним занятием в семье Виардо, как и во многих других в то время, и, очевидно, когда читал Тургенев, не обходилось без комментариев. Осенью 1871 года, когда Тургенев остался в Баден-Бадене с детьми, пока Полина — а чуть позже и Луи Виардо — готовили дом на улице Дуэ в Париже для переселения туда после франко-прусской войны, Клоди сообщила матери, что Тургенев начал читать с ними роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»: «Во время чтения Тург<енев> по нескольку раз падает в обморок от высказываний героини; к страшному негодованию тетушки, которая страшно сочувствует вышеназванной Джейн Эйр».⁹⁸

По мере того как дети росли, их роль менялась; они все активнее принимали участие в мероприятиях взрослых. Полина Виардо начала для них сочинять музыку, в частности для маленького Поля, который уже серьезно занимался игрой на скрипке. 10 февраля 1866 года у Виардо гостила Мария Муханова и после обеда дети выступили со «своей» музыкой, о чем Муханова сообщила дочери в письме: «Третьего дня мы обедали у госпожи Виардо. Ее сын 8 лет играет на скрипке как ангел; у девочек литавры и тамбурины. Госпожа Виардо сочиняет симфонии для этой публики, при этом сама играет на фортепьяно. Это самое чудесное, что только можно услышать, и восхитительно как семейная картина...».⁹⁹

⁹⁸ «Während der Lektüre, sinkt Tourg<éneff> mehrere Male in Ohnmacht über die Redensart der héroïne; zur schrecklichen Entrüstung der Tante, die die obenerwähnte Jane Eyre furchtbar protegirt» (Ibid.). Письмо не датировано, год написания устанавливается по содержанию. Письма к матери Клоди обычно писала по-французски, иногда по-испански, а в последние баденские годы — частично по-немецки.

⁹⁹ «Avant-hier, nous avons dîné chez Mme Viardot. Son garçon de 8 ans joue du violon comme un ange; les petites filles ont des timbales et des tambourins. Mme Viardot a composé des symphonies pour ce petit monde où elle tient le piano. C'est la plus jolie chose qu'on puisse entendre et un ravissant tableau de famille...» (Marie von Mouchanoff-Kalergis, geb. Gräfin Nesselrode in Briefen an ihre Tochter. Ein Lebens- und Charakterbild / Hsg. La Mara. 2. neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1911. S. 173).

Одно такое сочинение сохранилось и находится в настоящее время в Хоутонской библиотеке (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 42). Судя по уже упоминавшемуся письму Тургенева к детям Виардо от 21 июня (3 июля) 1865 г., в котором он выражает надежду, что, «когда я вернусь, вы втроем устроите для меня великолепный концерт, инструментальный и вокальный» («à mon retour vous me donnerez tous les trois un fameux concert instrumental et vocal»), такие представления начались еще раньше (ЛССУП(2). Письма. Т. 6. С. 149, 228). Сам Поль Виардо впоследствии вспоминал: «Я дебютировал в качестве начинающего скрипача на одном из таких утренников. Будучи совсем малышом, обладающим присущим этому возрасту на-

Письмо Клоди Виардо к матери от 30 ноября 1869 г.
(Houghton Library)

Очевидно, Муханова не ошиблась в оценке высокого уровня исполнения. Через месяц, 10 марта 1866 года, это сочинение завершало программу одного из музыкальных утренников!¹⁰⁰

От детей также требовалось, чтобы они развивали свое критическое чутье. В одном из писем к матери Клоди сообщает о представлении заезжей труппы в местном театре. Перечислив всех участников в спектакле по именам, она подробно разбирает исполнителей главных ролей:

хальством, я очень позабавил огромного усатого господина со странными светлыми глазами, который пожал мою крохотную ручонку своими огромными сильными лапами, это были лапы графа Бисмарка» («Je fis mes débuts de violoniste en herbe à l'une de ces matinées. Tout petit, doué de cet infernal toupet spécial aux enfants, j'amusai fort un gros monsieur moustachu aux yeux singulièrement clairs, qui serra ma main de moutard dans ses grandes pattes puissantes, celles du comte de Bismarck») (Paul Viardot. P. 15).

¹⁰⁰ См.: Чистова. С. 317–318.

«Зал был полон (в особенности офицерами). Смущенная этим представительным собранием, выйдя на сцену, м-ль Вабель дала петуха, впрочем, была не так плоха. Г-н Штольценберг хотел поважничать в подражание г-ну Кратцелю (какая дерзость!!), но неудачно; он имел вид учителя танцев, так он сучил ступнями и своими маленькими спичками, которые он называет ногами (Узнать, все ли принадлежит ему, я в этом сомневаюсь). Г-жа Браунхофер с ее неизменной Вавилонской башней на макушке. Ее любимый жест — сложить руки и сделать движение, которое обычно делают, когда плывут. Переверни страницу, дорогая мамочка, и ты увидишь их точный портрет. Ты увидишь г-на Штольценберга в минуты патетические, а в минуты нежности положение ее ног примерно такое, рук такое, а глаз такое. Верность изображения *наиточнейшая*. В своей большой арии „Ah ma bracho“ она хотела походить на цыпочках на манер Патти (что ей столь же мало удалось, как и г-ну Штольценбергу позы в духе Кратцеля). Она ходила на цыпочках с тем же изяществом и легкостью, с каким каторжник тянет свою лямку».¹⁰¹

Естественно, дети стали также принимать участие и в более шаловливых семейных мероприятиях, среди которых «игра в портреты» пользовалась особой популярностью. Описание того, как играли в эту игру, популярную в семье Виардо с середины 1850-х годов и по крайней мере до 1877 года, дал Людвиг Пич:

«Совершенно оригинальная игра, неизменно захватывавшая тот круг гостей, который собирался вечерами в салоне <Виардо. — *Ред.*>, основывалась на особенном таланте Тургенева. Он обладал способностью, руководствуясь воображением, набрасывать на бумаге профили, особенно мужские, которые он рисовал сходу и без помарок; эти профили поражали своей неотразимой жизненной правдой, в них были видны строгая последователь-

¹⁰¹ «La salle était remplie (surtout d'officiers). Intimidée par cette imposante assemblée Mlle Wabel a fait son début par un quac, mais du reste n'as pas mal été. Mr Stolzenberg voulait se donner des airs à la Kratzel (quelle audace!!) mais il n'y pas <sic!> réussi; il avait l'air d'un maître de danse tant il tordait ses pieds et ses petites allumettes <sic!> qu'il appelle ses jambes. (Savoir si tout y est à lui; j'en doute). Mme Braunhofer avec son invariable tour de Babel en haut de sa tête. Son geste favori est de joindre les mains et de faire le mouvement qu'on fait ordinairement pour nager. Tourne la page chère maman et tu verras leur exacte portrait. Tu vois Mr Stolzenberg dans des moments pathétiques, dans les moments tendres voici à peu près la pose de ses pieds, celle de ses mains, celle de ses yeux. Tout cela est d'une exactitude *parfaite*. Dans son grand air „Ah ma bracho“ <sic!> elle a voulu faire des cocotes à la Patti (qui ne lui ont pas mieux réussi qu'à Mr Stolzenberg les poses à la Kratzel). Elles les faisait avec autant de grâce et de légèreté <sic!> qu'un forçat traîne <sic!> son boulet» (Houghton Library, MS Mus 232 (14)). Письмо от 30 ноября <1869 г.>. Речь идет о виртуозной арии Амины «Ah! non giunge uman pensiero» («О, человеческая мысль не в состоянии понять моего счастья») в финале оперы Беллини «Сомнамбула», где она поет: «Ah! mi abbraccia» («О, обними меня»).

Вечер в доме Виардо. «Игра в портреты». Рисунок Людвиг Пича (1865)

ность в разработке характеров и четкий образ определенного типа, ярко представленного лица. Нанеся их на бумагу, он тут же отстранялся от них и тогда уже рассматривал и изучал их с тем же интересом, с которым подходил ко всему живому и в особенности к каждой человеческой личности, дабы постичь ее природу, ее особенности, характерные черты, привычки, род занятий и склонности. К подобным штудиям привлекался каждый из принимавших участие в игре, и каждый должен был записать результаты своих наблюдений над данным типом, изображение которого представало перед ним на тургеневском рисунке, под профилем, набросанным в верхней части длинной полоски бумаги, и затем, загнув свою запись, передать листок соседу. <...> После того как каждый записывал свою характеристику, не зная, что написали другие, весь длинный листок передавался для чтения вслух Тургеневу. Самые убедительные, самые остроумные наблюдения, равно как и самые глупые и неверные (последние он неизменно зачитывал с совершенно особой иронией и нескрываемым удовольствием), встречались бурным ликованием».¹⁰²

¹⁰² «Ein ganz originelles derartiges Spiel, das den im Salon abends vereinigten Kreis jedesmal vorzugsweise fesselte, war auf ein eigentümliches Talent Turgenjews begründet. Er besaß die Fähigkeit, aus der Phantasie menschliche Profil-Köpfe, besonders männliche, im einfachen Umriß ohne Stocken und Ändern aufs Papier hinzuzzeichnen, welche von einer sehr merkwürdigen überzeugenden Lebensfähigkeit waren, eine große Folgerichtigkeit der Formenentwicklung und das scharfe Gepräge einer bestimmten Individualität, einer entschieden ausgesprochenen Persönlichkeit zeigten. Wenn sie auf dem Papier

Первая сохранившаяся игра, в которой приняли участие Клоди и Марианна, имела место 17 ноября 1863 года.¹⁰³ С того момента девочки регулярно участвовали в игре наряду с ученицами Полины Виардо и гостями дома (лишь Луи Виардо играл в виде исключения). Вполне вероятно, что нередко они выступали зачинщицами. В марте 1864 года Тургенев вернулся из России 12-го и снова уехал — к дочери в Париж — 23-го. За этот период в «портреты» играли несколько раз, в частности 15 марта, в день рождения Марианны. Можно себе живо представить, как просила Марианна, чтобы играли в день ее рождения, и как Тургенев, несмотря на утомление после длительного путешествия, согласился.¹⁰⁴

15 mars <1864>.

Entrepreneur de roulage — aimant beaucoup la table, et surtout le bon vin, très honnête, gai et assez farceur.

Jeanne Marcel <?>

standen, waren sie für ihn Fremde geworden, die er nun mit dem Interesse, welches er allem Lebendigen und speziell jeder menschlichen Persönlichkeit entgegenbrachte, betrachtete und studierte, um sich über ihre Art, ihre Besonderheit, ihre Charaktereigenschaften, Gewohnheiten, Beruf und Neigungen klarzuwenden. Zu einem gleichen Studium wurde jeder an dem Spiel Teilnehmende aufgefordert, und jeder hatte die Ergebnisse seiner Prüfung des betreffenden Menschen, dessen Bild ihm in Turgenjews Zeichnung vorlag, unterhalb des oben auf einem langen Papierstreifen entworfenen Kopfes niederzuschreiben und dann den darunter umgekniffenen Zettel dem Nachbar zu demselben Tun zu reichen. <...> Wenn jeder, ohne die Charakteristiken des Kopfes durch die anderen zu kennen, die seinige niedergeschrieben hatte, wurde der ganze lange Zettel Turgenjew zum Vorlesen übergeben. Mit Jubel wurden die überzeugendsten, geistvollsten, aber auch die dümmsten und falschesten Deutungen, welche letztere er immer mit ganz besonderem nichtswürdigem ironischem Behagen vortrug, von dem Kreise begrüßt» (*Pietsch. Schriftsteller. S. 499–500*).

¹⁰³ The Portrait Game. Drawings by Ivan Turgenev. Text by Ivan Turgenev, Pauline Viardot and others / Ed. Marion Mainwaring. London, 1973. P. 84–85. Далее — *Mainwaring*.

¹⁰⁴ Из опубликованных материалов следует, что играли 15, 18 и 20 марта. См.: «Игра в портреты» // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 491–496; *Mainwaring*. P. 86–103, на основе последней подтверждается участие Клоди и Марианны в играх 15 и 20 марта.

Marchant <sic!> de vin. Il ne daidaigne <sic!> pas un petit verre d'eau de vie. Brutal.

Marianne Viardot

Aubergiste de village il aime le vin par dessus tout; il est bon quand il n'est pas gris mais il l'est souvent.

Jeanne Fawtier

Il s'enivre toute la journée. Il est très-bête, il fumme <sic!> beaucoup et n'est pas marié.

Claudie Viardot

Bourreau — il est doué d'une force herculéenne. — Il travaille à l'abattoir tous les jours. Il est affreusement facétieux et cynique. Sa forte respiration annonce sa présence longtemps à l'avance. Les yeux noirs ronds et perçants ressemblent à ceux des écrevisses cuites. Sa grosse voix fait trembler la maison. — La forte odeur qu'il exhale retourne l'estomac. — Il passe sa vie au cabaret, dans les salles de boxe de pugilat — mais surtout dans les abattoirs. Ses facéties font horreur.

Pauline Viardot

Astucieux et méchant / il est dégoûtant / menteur et gourmand / comme un vrai normand.

Pauline Marcel

Boxeur émérite — masse de chair et de sang riche et lourd; mange et boit comme un ogre et se porte comme le pont neuf; pas méchant pourtant.

Ivan Tourguéneff

Перевод:

15 марта <1864>. ¹⁰⁵

Предприниматель транспортной конторы — большой любитель застолий, в особенности хорошего вина, очень честен, весел и довольно насмешлив.

Жанна Марсель <?>

Торговец вином. Не брезгует стаканчиком водки. Груб.

Марианна Виардо

¹⁰⁵ *ВН. Slave* 79. F. 70 г. Год и участники этой игры были впервые установлены Марион Мэйнуэринг на основе почерков и других данных (*Mainwaring*, P. 92–93). М. Мэйнуэринг предположительно приписывает первую характеристику дочери Полины Марсель — Жанне, но называет ее Джульет. Жанна Фавтье — еще одна ученица Полины Виардо. В ноябре 1864 г. она вышла замуж за Луи Поме; Тургенев присутствовал на их свадьбе.

Содержатель постоялого двора, вино любит больше всего; добр, когда не пьян, но пьян часто.

Жанна Фавтье

Пьет в течение всего дня. Очень глуп, много курит и не женат.

Клоди Виардо

Палач — наделен геркулесовской силой. Он трудится на бойне ежедневно. Он ужасный шутник и циник. Его тяжелое дыхание предупреждает задолго до его прихода. Черные круглые и пронизывающие глаза похожи на глаза вареных раков. От его грубого голоса сотрясается дом. — От исходящего от него запаха выворачивает желудок. — Проводит жизнь в кабаке, в залах для кулачных боев — но в особенности на бойнях. Его шутки наводят ужас.

Полина Виардо

Лукавый и злой, / он отвратителен, / лжец и обжора / как истинный нормандец.

Полина Марсель

Выдающийся боксер — груда плоти и крови, густой и обильной; ест и пьет как людоед и чувствует себя как нельзя лучше; впрочем, не злой.

Иван Тургенев

На Поля Виардо баденские зимы с их обильными снегопадами производили сильное впечатление. Уже во время первой зимы (скорее всего, к праздникам) Тургенев подарил детям сани и «их жизнь проходит либо на льду, либо в мечтах о нем».¹⁰⁶ Праздновались также дни рождения, члены семьи и близкие обменивались подарками. Во время пребывания в Берлине в декабре 1865 года Полина приобрела маску Гёте, чтобы подарить ее Тургеневу к праздникам.¹⁰⁷ А в своем дневнике Полина сообщает о подарке, полученном от Тургенева в 1868 году: «Он подарил мне красивый бювар из русской кожи, отделанный медью. Он заставил меня саму выбрать под угрозой подарить предмет в два раза дороже».¹⁰⁸

Принимались в интимный семейный круг и некоторые ученицы. В своих письмах домой Аглая Оргени нередко сообщает о вечерах и о семейных праздниках, в том числе о Рождестве. Очевидно, несмотря

¹⁰⁶ «ils passent leur vie sur la glace ou à en rêver» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 239, 364. Письмо Тургенева к Л. Поме от 28 декабря 1863 (9 января 1864 г.)). Ср.: *Paul Viardot*. P. 19.

¹⁰⁷ См. ее письмо к Аглае Оргени, в котором она просит напомнить Пичу, чтобы тот не медлил с высылкой (*Brand*. S. 187).

¹⁰⁸ «Il m'a donné un beau buvard en cuir de Russie garni de cuivre. Il m'a obligé à le choisir moi même, sous menace de me donner un objet du double du prix» (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5. Запись от 18 июля).

E.
Cole
65:0 P. 1

Petit ~~homme~~ ^{en costume} - Gentil - ^{bon caractère} - ^{parlé}
 dans le théâtre. C'est un ^{bon} ^{acteur} - ^{de}
 geste pas tout comme une anguille - faible de corps - agile -
 beaucoup de cœur et peut paraître dur la scène mais
 toujours bon dans la vie. - Quand la place
 est vide, il travaille volontiers comme valet.
 Il se vante - et ^{il} ^{se} ^{vantera} ^à ^{tout} ^{le} ^{monde} ^à ^{Paris} ^{et} ^à ^{l'étranger}.
 Il finira par devenir un ^{bon} ^{acteur}
 comique - Il ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 peut flûter ^{de} ^{très} ^{bien} ^{de} ^{la} ^{flûte}
 dans la bouche - il ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{de} ^{la} ^{flûte} ^{et} ^{de} ^{la} ^{musique} ^{en} ^{général}
 Il adore la danse ^{et} ^{il} ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 et toujours ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 c'est le plus en ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 de lui - peut-être devien-dra-t-il ^{un} ^{bon} ^{acteur}
 au théâtre.

Malgré la fraîche de son air, c'est un ^{bon} ^{acteur}
 homme de peuple; il ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 un peu ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{de} ^{la} ^{flûte} ^{et} ^{de} ^{la} ^{musique} ^{en} ^{général}
^{de} ^{la} ^{flûte} ^{et} ^{de} ^{la} ^{musique} ^{en} ^{général}
^{de} ^{la} ^{flûte} ^{et} ^{de} ^{la} ^{musique} ^{en} ^{général}
^{de} ^{la} ^{flûte} ^{et} ^{de} ^{la} ^{musique} ^{en} ^{général}

Ami, ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
 mais ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}

Un ^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}
^{est} ^{très} ^{bon} ^{en} ^{parlant}

Лист «Игры в портреты».
 Баден-Баден, 9 октября 1869 г.
 (Houghton Library)

на атеистические убеждения Луи Виардо, Рождество все-таки праздновалось в семье Виардо!

«Рождественский вечер провели мы, я и Пелльниц, у госпожи Виардо. Это был замечательный вечер, госпожа Виардо была очень добра, вручила нам небольшие подарки. Я получила экземпляр ее только что вышедшего альбома романсов, на котором она написала пару теплых строк, маленькую парижскую записную книжечку, прелестный флакон и шкатулку из дерева, в которую вставлена ее фотография в роли Нормы. Это был замечательный семейный праздник, в детской радости всегда есть что-то трогательное, а мне было так отраднo видеть свою почитаемую всем сердцем любимую наставницу такой счастливой в своем кругу. Она такая хорошая мать. В первый праздничный день я пришла к ней утром, она взяла меня с собой на прогулку, затем мы у нее пообедали. Вечером мы немного помузицировали и поболтали. Она вновь сочинила несколько чудесных романсов, один из которых хочет посвятить мне. Вчера вечером мы снова были у нее et ainsi de suite <и так далее — франц.>. Эта жизнь меня очень сильно привлекает, и я чувствую душевный подъем и бодрость».¹⁰⁹

По французскому обычаю, в семье Виардо праздновался и Новый год. Новый 1865 год Аглая Оргени вновь встречала с семьей Виардо и, к своей величайшей радости, получила ценный подарок от любимой учительницы: «Тетушка Полина сейчас так добра ко мне. Вы должны также знать, что она теперь обращается ко мне на ты. Мы условились об этом на Новый год. Я очень рада этому, это было для меня хорошим знаком».¹¹⁰

Празднование Нового года, очевидно, сопровождалось веселыми развлечениями. Такие невинные забавы всегда имели немаловажное

¹⁰⁹ «Den Christabend brachten wir, ich und die Poellnitz, bei Madame Viardot zu. Es war ein schöner Abend, Madame Viardot war sehr lieb, machte uns kleine Geschenke. Ich bekam ein Heft ihres eben erschienenen Lieder-Albums mit Paar lieben Worten, ein kleines Pariser-Notizbüchlein, hübschen Flakon und eine Schachtel aus Holz geschnitzt mit ihrer Norma-Photographie. Es war ein schönes Familien-Fest, die Freude der Kinder hat immer etwas Rührendes, und mir tut es so wohl, meine herzlich verehrte liebe Meisterin so glücklich in ihrem Kreise zu sehen. Sie ist eine so gute Mutter. Am ersten Feiertag war ich morgens bei ihr, sie nahm mich zu einer Spazierfahrt mit, dann dinierten wir dort. Abends machten wir ein wenig Musik und plauderten. Sie hat wieder reizende Lieder komponiert, deren eines sie mir widmen will. Gestern abend waren wir wieder dort, et ainsi de suite. Dieses Leben hat für mich einen großen Reiz, und ich fühle mich geistig angeregt, sehr heiter» (*Brand*. S. 149. Письмо родным от 27 декабря 1864 г.). Речь идет об альбоме романсов П. Виардо 1864 г. «12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgenieff». Аглае Оргени был посвящен романс «Тихо вечер догорает...» (во французском переводе — «Chant du soir») на слова А. А. Фета (издание: Douze mélodies sur des poésies russes. Paris, 1866).

значение для семьи Виардо. Наряду с серьезными пьесами им предавались хозяева и гости в Куртавнеле — особенно когда гостили два известных шутника — брат П. Виардо Мануэль Гарсиа и горнист Эжен Вивье. По-видимому, первый вариант «Последнего колдуна» — вариант «буфф» — возник именно в связи с подобного рода забавами.¹¹¹ Если четверги в Париже после франко-прусской войны были посвящены серьезной музыке, то по воскресеньям собирались близкие друзья, чтобы предаваться шалостям вроде шарад.¹¹² В ноябре 1866 года Тургенев писал Пичу о том, чем заняты Клоди и Марианна:

«Каждый день после обеда они ставят пантомимические танцы, под музыку, которую импровизирует госпожа Виардо. При этом происходит много замечательного: так, например, вчера Клоди сделала себе из антимакассара (знаете — эта штука, которую вешают на спинки кресел) род тюрбана — она была похожа на молодую, еще немного дикую богиню из мифологии будущего».¹¹³

Очевидно, к новому 1868 году готовилось особое развлечение — «La Veillée de la St Sylvestre» («Вечер св. Сильвестра»). Об этом произведении упоминает Поль Виардо в своих воспоминаниях наряду с известными опереттами 1867 года («Последний колдун» и «Слишком много жен»),¹¹⁴ однако ранее о нем ничего не было известно. В архиве, недавно приобретенном Гарвардским университетом, хранится папка с материа-

¹¹⁰ «Tante Pauline ist jetzt so gut für mich. Ihr muß auch wissen, daß sie mich jetzt dutzt. Wir haben das so zu Neujahr ausgemacht. Das macht mir sehr glücklich, und es war mir wie ein gutes Verzeichen» (*Brand*. S. 150. Письмо родным от 3 января 1865 г.).

¹¹¹ В одном из альбомов П. Виардо в собрании Хоутонской библиотеки записана главная ария Кракамиша из этой оперетты с пометой: «Courtavenel. 8-bre 1851» (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 39).

¹¹² В своих воспоминаниях Поль Виардо рассказывает об одном таком вечере, на котором Тургенев играл профессора анатомии, Сен-Санс — голый труп (в комбинезоне из розовой фланели), который оживает; среди студентов находится студентка-англичанка, его возлюбленная, и он прибегает к такой хитрости, чтобы к ней приблизиться (*Paul Viardot*. P. 34–35).

¹¹³ «Jetzt führen sie jeden Nachmittag pantomimische Tänze auf zur Musik, von Frau Viardot improvisirt. Da kommen prächtige Sachen vor — Claudie hatte sich gestern eine Art Turban von einem Anti-Macassar (wissen Sie — das Ding, das man auf die Fauteuil-Lehnen hängt) — gemacht — und sah aus wie eine junge, noch etwas wilde Göttin aus einer Mythologie der Zukunft» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 74, 244–245. Письмо от 4 (16) ноября 1866 г.).

¹¹⁴ *Paul Viardot*. P. 17.

лами, которые имеют непосредственное отношение к творческой истории этого произведения.¹¹⁵ С их помощью можно установить, что сценарий произведения — под условным названием «Цыгане» — является первоначальным наброском «Вечера св. Сильвестра». Наличие в сценарии ролей для детей Виардо свидетельствует о том, что это произведение было рассчитано на семейное исполнение, причем участие Луизы (которая в 1867 г. оставила мужа в Южной Африке и поселилась с маленьким сыном у родителей в Баден-Бадене, где осенью того же года участвовала в представлениях оперетт) позволяет предположить, что оно предназначалось к исполнению на новогоднем празднике 31 декабря 1867 года (в католической традиции праздник св. Сильвестра отмечается 31 декабря).¹¹⁶ Во всяком случае, это маленькое произведение позволяет еще раз проникнуть в интимный круг семьи Виардо, членом которой в полной мере следует считать и Ивана Сергеевича Тургенева.

¹¹⁵ Houghton Library, b 2011M-3. Folder 39. В папке находятся: черновики либретто, написанные рукой Тургенева; перечень 10 музыкальных номеров; полный текст либретто, написанный рукой Полины Виардо; музыкальная тетрадь с разными набросками и сочинениями П. Виардо, в том числе связанными с «Вечером св. Сильвестра» и с «Последним колдуном»; роль англичанки леди Крокфорд, написанная рукой Тургенева (не представлял ли он это действующее лицо? А кто играл танцующего медведя?). Хотя, как уже было отмечено исследователями в связи со сценарием «Цыгане», ряд сюжетных схем (выпрашивание денег цыганами и гадание с зеркалом на Новый год) связывает это произведение с четвертой опереттой «Зеркало» (см.: *Оливье Р.* Либретто оперетт и комедия (1867–1869) // *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 82–83), однако по жанру и по тому, как складывается сюжет «Зеркала» (в частности, роль Бабахана), эти два произведения определенно отличаются друг от друга.

¹¹⁶ См.: *ПССуП(2).* Соч. Т. 12. С. 203–204. Не присутствовали ли на этом вечере А. Г. и В. А. Рубинштейны, когда Рубинштейн потерял сознание, упал и расшиб колено? Во всяком случае, пока он лежал, за ним ухаживала Луиза, его постоянно посещали Тургенев и члены семьи Виардо. См. письмо Полины Виардо к В. А. Рубинштейн (январь 1868 г.): *Розанов А. С.* Письма зарубежных музыкантов. Из русских архивов. Л., 1967. С. 321.

ЛИБРЕТТО ВНОВЬ НАЙДЕННОЙ ОПЕРЕТТЫ

La Veillée de la St Sylvestre

Mario<u>la, Sarah, Aleko et d'autres bohémiens sont assis en rond par terre. Gricha se tient au milieu avec son violon. — Une chaîne est attachée à sa ceinture — l'autre bout est derrière la coulisse. Lady Crockford est assise sur une chaise; elle a un grand lorgnon à la main.

Miss Cr. Oh que c'est joli! Encorâ, encorâ...

Chœur des Bohémiens¹

Vrais enfants de la Bohême
Ce royaume de gaité.
Nous avons pour bien suprême
L'amour et la liberté. } *bis*

Miss Cr. L'amour! oh! très joli!

Chœur

Notre sort doit faire envie
Sans pays, sans chefs, ni lois,
Nous passons gaiment la vie
Plus heureux que tous les rois! }

Miss Cr. Oh! très bien! mais, pourquoi n'entend-on pas l'ours?

Sarah. Oh, p<ou>r entendre l'ours, belle dame, il faut donner encore un ducat.

Miss Cr. Oune doucat? voilà... voilà...

Sarah. Fort bien... Gricha, fais grogner l'ours et nous répèterons notre refrain.

(Gricha tire la chaîne et l'ours grogne)

Miss Cr. Oh! j'aime l'ours... Et maintenant, il faut me dire la bonne aventure.

Sarah. Volontiers, belle dame; mais c'est encore un ducat.

Miss Cr. Voilà... et un peu d'ours, s'il vous plaît.

(Grognement)

Chanson de Sarah

Donne-moi la main, Madame
Je vous dirai votre sort.
Ah que vois-je? Sur mon âme
C'est trop fort!

Miss Cr. Que voyez-vous?

<...>^a

Miss Cr. Alors, je me console; voilà encore un ducat... Mais ne pourrait-on voir cet ours? son grognement est charming, mais son vioû serait délicieux.

Sarah. Avec plaisir, Madame, mais pour le voir il faut encore deux ducats.

Miss Cr. Deux, 3, tant que vous voulez... mais je veux voir l'ours.

Sarah. Allons! il faut vous contenter... et désirez-vous qu'il danse?

Miss Cr. Oh certainement — sait-il la gigue? La polka?^b

Sarah. Madame, notre ours connaît toutes les danses; il a étudié à Paris — (c'est l'élève favori de Taglioni). Gricha, fait-le entrer.

Gricha. Allons, un peu de gigue, s'il vous plaît.

(Danse de l'ours. Lady C. applaudit)

Miss Cr. Faites lui danser la polka.

<**Gricha**>. A présent, polquez, monsieur. —

(Polka de l'ours)

Miss Cr. Bravo, bravo! — Oh je voudrais bien faire shake-hands avec ce cher petit! pouvait-on?

Sarah. Certainement, Madame, vous pouvez même lui donner un ducat; il le prendra.

^a Следующие строфы отсутствуют в рукописи, для них оставлено место.

^b В отдельной роли Леди Крокфорд: Sait-il la gigue — the Scottish reel? <Он умеет танцевать джигу — или шотландский танец?>

Miss Cr. Oh! voilà, voilà. (*elle lui donne un ducat et lui serre la patte*) Cher petit! au revouâ — «My love!» Adieu, adieu, — — et chantez encore un peu avant que je m'en aille.

Reprise du chœur

Vrais enfant de la Bohême etc.

exit

Scène 2me

Marioula, Aleko (*les regardant sortir*)

Aleko. Quelle folle! mais elle paie bien et ses ducats ne sont pas rognés. Ah ma Marioula, nous voici seuls enfin, et je puis te dire...

Marioula. Laissez-moi... ne t'approche pas.

Aleko. Comment?

Marioula. Laisse-moi... je veux être seule.

Aleko. Comment, c'est avec moi, ton fiancé, que tu parles de la sorte?

Marioula. Mon fiancé, mon fiancé... je ne suis pas bien sûre que tu le sois.

Aleko. Tu douterais de mon amour?

Marioula. Je ne doute pas de ton amour... mais...

Aleko. Mais quoi donc?

Marioula. Je ne suis encore bien sûre que c'est toi, Aleko, que le sort me destine pour mari... mais je le saurai ce soir.

Aleko. Ce soir?... je ne te comprends pas.

Marioula. Ce n'est pas nécessaire... Je te le répète, je veux être seule...

Aleko. Ah par exemple! Tu t'en va comme cela, sans même me permettre un seul petit baiser?

Marioula. Adieu, à demain...

Aleko. Mais tu ne peux pas pourtant...

Marioula. Laisse-moi, ou je me fâcherai... C'est demain le jour du nouvel an? eh bien, à demain... si en effet... (*Elle s'enfuit*)

Scène III

Aleko seul

Grand Dieu! que veut dire ceci? Marioula me repousse, elle ne veut pas m'entendre — elle se refuse à ce mariage projeté... elle ne m'aime donc plus! j'ai donc un rival (*il marche à grands pas.*) Oh malheur et furie!.. (*il s'arrête.*)^a Mais qui est ce rival abhorré! — Gricha avec son ours ?.. Oui, c'est lui, j'en suis sûr ... (*il marche.*)^b J'ai surpris des regards... (*il s'arrête.*)^c Oh mais je me vengerai! voici le moment de rire d'un rire infernal! — Ah ah ah ah! (*il marche.*) Mon sang bohémien bouillonne dans mes veines africaines! Un poignard... 2 poignards... du poison, une carabine... un canon, de la mitraille... se chargeant par la culasse... (*Il s'arrête.*) Mais non! je me rappelle, il y a au grenier une grande épée du temps des Croisades, elle a juste le double de la longueur. Gricha et son ours — c'est ce qu'il me faut — je le clouerais comme un vil insecte et l'ingrate ne jouira pas longtemps de son infidélité!

(Il va pour sortir, et est arrêté par Sarah)

Scène IV

Sarah. Où cours-tu, avec cette mine de frénétique?

Aleko. Je cours me venger!

Sarah. Te venger?

Aleko. Oui, me venger de la volage Marioula et du scélérat de Gricha avec son ours! Je les tuerai tous deux!

Sarah. Comment? tu es fou! qu'a de commun Gricha, son ours et Marioula?

Aleko. Ce qu'il y a de commun! Elle l'aime!

Sarah. Qui? l'ours?

Aleko. Eh non! l'autre!

Sarah. Elle te l'a dit?

Aleko. Il ne manquerait plus que cela! Elle n'a pas voulu me reconnaître pour son fiancé... Elle m'a dit: à demain!

^a *Ремарка вписана над строкой.*

^b *Ремарка вписана над строкой.*

^c *Ремарка вписана над строкой.*

Sarah (*éclatant de rire*). Et c'est là ce qui te fait supposer qu'elle ne t'aime plus? — mais petit fou, moi aussi je te dis à demain! ne sommes-nous pas à la veille du nouvel an?

Aleko. Eh bien, après. Marioula aussi m'a dit la même chose... que signifie?..

Sarah. Cela signifie qu'elle veut, selon notre vieille coutume, aller ce soir en secret dans une grange — dresser une table, mettre deux bougies devant un miroir, et puis regarder dans ce miroir jusqu'à ce qu'elle y voie apparaître son véritable fiancé, celui que la sort lui destine.^a D'ici là, elle ne veut pas se compromettre avec toi, de peur que tu ne sois ce véritable — Je l'ai surprise dans ces préparatifs... et je voulais même t'en avertir pour arranger certaine petite scène.

Aleko. Vrai, ma bonne petite tante^b Sarah, vous ne me trompez pas?

Sarah. Ah, je suis ta bonne petite tante, à présent! Allons, calme ta fureur jalouse, et écoute ce que je vais te dire... Mais sortons d'ici, car j'entends Marioula qui arrive et il ne faut pas qu'elle se doute du tour que nous allons lui jouer.

(*Sarah et Aleko sortent*)

Scène V

(*Marioula entre avec précaution.*

Elle a un panier sous le bras et un miroir à la main.)

Personne m'a vue... il est bientôt onze heures... à minuit il faut déjà être installée... car cela commence à minuit. — Voyons, où ai-je la clef de la grange? ... ah la voici. (*Elle tire une énorme clef de sa poche*). Personne ne m'a vue... Oh quelle neige! allons, il est temps!

(*Elle sort*)

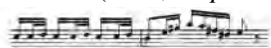

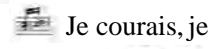

2d tableau. Scène I

(*Une grange. Un table et une chaise à gauche; deux bougies sont placées sur la table aux 2 côtés d'un miroir. Une autre petite table ronde vers le fond. Avec une autre chaise. Dans un coin, un rouet.*)

^a *Далее зачеркнуто*: Je l'ai surprise dans ces préparatifs.

^b petite tante — *вписано над строкой*.

Marioula. *(entre, un panier sous le bras et une lanterne à la main)*^a

 Me voici donc dans cette terrible grange!
 Je respire à peine — personne ne m'a
vue je crois... Oh qu'il fait froid Je courais, je
courais, j'enfonçais dans la neige jusqu'aux chevilles. Je grelotte
 Si je me sauvais? Allons, allons,

du courage! Il faut pourtant que je sache si c'est mon cher Aleko qui doit décidément être mon mari... voyons, mettons tout en ordre. J'ai déjà préparé la table, le miroir, les bougies... allumons-les... *(elle les allume à la lanterne.)* Surtout il ne faut pas oublier ce que m'a dit la vieille: Il ne faut pas se retourner, quoiqu'il arrive... regarder, toujours regarder dans le miroir et ne pas avoir peur... jamais peur! Ah, j'oubliais le couvert... *(elle dispose le couvert qu'elle tire du panier sur la petite table.)* Voilà... du vin... du gâteau... il paraît que les fantômes sont gourmands... Dieu! qu'est-ce que c'est que cela! que je suis folle! C'est mon rouet. Je vais le placer près de ma chaise et comme il n'est pas encore minuit, je vais filez en attendant pour que le temps me paraisse moins long... *(elle s'installe.)*

Chœur de jeunes filles dans la coulisse

La neige froide et blanche
Tombe en légers flocons
Dansons, jusqu'à Dimanche
Au bruit de nos chansons.^b
Les garçons du village
Accourent sur nos pas
Le vent du Nord fait rage
Nous ne le sentons pas.
la la la la

Marioula. Ce sont les filles du village qui vont ainsi courir toute la nuit.
Aleko serait-il avec elles?

2d couplet du Chœur

Laissons au coin de l'âtre
Se morfondre les vieux

^a Мелодрама. Между ее репликами звучат короткие музыкальные фразы, которые приводятся в рукописи.

^b Далее зачеркнуто: Le vent du Nord

La jeunesse folâtre
 Les rend tous envieux.
 A nous troupe mutine
 Et puisse notre chant
 En cloche cristalline
 Sonner dans l'air vibrant.
 Lalalalala

Mariuola. Elles s'éloignent... je ne les entends plus. (*vent*) Oh comme le vent souffle! (*après le vent*) Voyons, je vais tâcher aussi de chanter un peu... pour me réchauffer.

(*Elle chante*)²

Quand vient la saison fleurie
 Où tout s'éveille à la fois
 Le ruisseau dans la prairie
 Le rossignol dans le bois.
 Alors aussi la fillette
 Se levant de grand matin
 Court entendre l'alouette. (*vent*)

<Mélodrame>^a

 Ah mon Dieu, je ne puis continuer, avec ce vilain vent! essayons encore à la fois eh bien?

Qu'est-ce que cela signifie?

Ce violon a l'air de se moquer de moi!

(*Minuit sonne*) Minuit!.. voilà le moment... Allons, du courage! (*elle pose le rouet dans un coin, se met devant le miroir et appuie sa tête dans ses deux mains.*)

^a Музыка мелодрамы приводится в рукописи.

Mélodrame^a

Il me semble déjà que je vois quelque chose Non, ce n'est rien

mais surtout, surtout il ne faut pas se retourner, et quoiqu'il arrive ne pas avoir peur (*apparaît un fantôme*). Ah mon Dieu, que vois-je? (*Le fantôme fait des gestes menaçants et disparaît. Coup de tamtam.*) Je respire à peine... que^b me présage cette apparition? (*éclat de rire prolongé.*)

(*On entend du dehors chanter:*)

Sérénade

Entends tu ma belle
Ces tendres accents?
C'est moi qui t'appelle
Tu dors... et j'attends.

Marioula. Qu'est-ce? ce n'est pas la voix d'Aleko... c'est quelque enchantement... Ne nous retournons pas.

2d couplet

La lune brillante
Monte dans le cieux.
Descends ma charmante
Vers ton amoureux.

Scène 2

Marioula. N'écoutons pas... ne bougeons pas... (*le mélodrame reprend — on voit apparaître Aleko, vêtu en brigand, le chapeau enfoncé sur les yeux, avec un faux nez, une fausse barbe et une hache à la main. Arrivé près de la table ronde, il fait un geste de satisfaction, s'arrête et mange.*)

Marioula. Oh comme il mange!   J'aurai Gargantua pour mari... mais le voilà qui se lève de nouveau... Oh mon Dieu... il s'approche! (*avec le dernier accord met la main sur l'épaule de Marioula. Celle-ci pousse un cri aigu. La musique cesse.*)

^a Музыка мелодрамы приводится в рукописи.

^b Далее зачеркнуто: signifie <означает>

Aleko (*d'une grosse voix*). Tu ne m'attendais pas à souper, eh la petite? Je suis l'épouvantable brigand Mange-tout-cru-croque-sans-sel!

Marioula (*tombe à genoux*). Grâce, grâce!

Aleko (*levant la hache*). Pas de grâce pour toi, à moins que tu ne promettes de m'épouser. —

Marioula. Au secours! je vous épouserai si vous le voulez! Au secours!

Aleko. Tu appelles en vain... Personne ne viendra.

Marioula (*se cachant le visage*). Au secours, Aleko!

Aleko (*se débarrassant de tout son attirail et de sa voix naturelle*). Voilà... me voilà!

Marioula (*ôtant ses mains*). Toi?.. ici? Et le brigand?

Aleko (*montrant sa défroque par terre*). Le voilà!

Marioula. Quoi... c'était...

Aleko. C'était moi.

Marioula (*se relevant*). Et le grand fantôme blanc?

Scène III

Sarah. C'était moi!

Marioula. Et le violon moqueur?

Gricha. C'était moi.

Marioula. Et la sérénade...

Toutes les bohémiennes. C'était nous.

Marioula. Oh quelle tromperie... quelle honte pour moi... laissez-moi, laissez-moi m'en aller.

Aleko. Ah par exemple! et notre mariage? Tu ne peux plus douter maintenant que je ne sois ton véritable fiancé, puisque tu m'as vu dans le miroir.

Marioula. Non, non laissez-moi.

Sarah. Allons, allons, pas d'enfantillage. C'est décidé. D'autant plus que tu l'aimes, petite superstitieuse... Apportez-moi, selon notre antique et solennel usage, la cruche, pour que je la casse... Autant de morceaux, autant d'années à vivre ensemble (*on apporte une cruche, elle la casse — Tous crient: Morceaux!*) Et maintenant que vous voilà mari et femme, allons

célébrer le joyeux événement — à table. Mais auparavant, répétons notre joyeux ronde:

Vrais enfants de la Bohême

Перевод:

Вечер св. Сильвестра

Мариула, Сара, Алеко и другие цыгане сидят в кружок на земле. В центре круга Гриша со скрипкой. — К его поясу привязана цепь — другой ее конец за кулисами. Леди Крокфорд сидит на стуле; в руке у нее большой лорнет.

Мисс Кр. Ах, как красиво! Исчо, исчо...

Цыганский хор¹

Истинные дети Богемии
Это царство радости.
Наша высшая ценность
Это любовь и свобода. } 2 раза

Мисс Кр. Любовь! о! это прелестно!

Хор

Пусть завидуют нашей судьбе
У нас нет ни родины, ни начальников, ни законов,
В веселье проводим мы жизнь
Счастливы больше королей!

Мисс Кр. Ах! очень хорошо! но почему не слышно медведя?

Сара. Чтобы услышать медведя, прекрасная дама, нужен еще дукат.

Мисс Кр. Оудин дукат? вот он... вот он...

Сара. Прекрасно... Гриша! пусть медведь зарычит, а мы повторим наш припев.

(Гриша дергает за цепь и медведь рычит)

Мисс Кр. Ах! мне нравится медведь... А теперь погадайте мне.

Сара. С удовольствием, прекрасная дама, но нужен еще дукат.

Мисс Кр. Вот он... и немного медведя, пожалуйста.

(Раздается рычание)

Песня Сары

Дай мне руку, госпожа,
Я предскажу тебе судьбу.
Ах, что вижу я? Клянусь,
Это слишком сильно!

Мисс Кр. Что вы видите?

<...>

Мисс Кр. Ах, в таком случае я утешена; вот еще дукат... Но нельзя ли увидеть этого медведя? его рычание есть charming,* но его вид был бы delicious.**

Сара. С удовольствием, госпожа, но чтобы его увидеть, нужны еще два дуката.

Мисс Кр. Два, 3, сколько пожелаете... но я хочу видеть медведя.

Сара. Прекрасно! надо, чтобы вы были довольны... и вы желаете, чтобы он танцевал?

Мисс Кр. Ах, конечно — он умеет танцевать джигу? Польку?

Сара. Госпожа, наш медведь умеет танцевать все танцы; он учился в Париже — (Это любимый ученик Тальони) Гриша, выводил его.

Гриша. Итак, немного джиги, пожалуйста.

(Танец медведя. Леди К. аплодирует)

Мисс Кр. Пусть он станцует польку!

<Гриша>. А теперь польку, месье. —

(Медвежья полька)

Мисс Кр. Bravo, bravo! — Как бы я хотела сделать shake-hands*** этому милашке! можно?

Сара. Конечно, госпожа, вы даже можете дать ему дукат; он его возьмет.

* очаровательно (англ.).

** восхитителен (англ.).

*** рукопожатие (англ.).

Мисс Кр. Ах! вот, вот (*дает ему дукат и пожимает лану*). Дорогуша! до свиданья — «My love!»* Прощай, прощай — — И спойте немного еще перед тем, как я уйду.

Припев хора

Истинные дети Богемии и т. д.

Сцена 2-я

Мариула, Алеко (*смотрят, как они уходят*)

Алеко. Вот сумасшедшая! но она хорошо платит и ее дукаты весят сколько надо. Ах, моя Мариула, наконец-то мы одни, и я могу сказать тебе...

Мариула. Оставь меня... не приближайся.

Алеко. Как?

Мариула. Оставь меня... я хочу побыть одна.

Алеко. Как? Так-то ты говоришь со мной, с твоим женихом?

Мариула. Моим женихом, моим женихом... я не очень уверена, что это именно ты.

Алеко. Ты сомневаешься в моей любви?

Мариула. Я не сомневаюсь в твоей любви... но...

Алеко. Так в чем же дело?

Мариула. Я еще не совсем уверена, что именно тебя, Алеко, судьба предназначила мне в мужа... но я узнаю это сегодня вечером.

Алеко. Сегодня вечером?.. не понимаю тебя.

Мариула. Это и не обязательно... Повторяю тебе, я хочу побыть одна...

Алеко. Скажите на милость! И ты вот так уходишь, не подарив мне даже маленького поцелуя?

Мариула. Прощай, до завтра...

* «Мой милый!» (*англ.*).

Алеко. Но ведь ты не можешь...

Мариула. Оставь меня, или я рассержусь... Ведь завтра новый год? Итак, до завтра... если в самом деле... *(Она убегает)*.

Сцена III

Алеко один.

Боже правый! что это значит? Мариула отталкивает меня, не хочет меня слушать — она отказывается от намеченной свадьбы... так она не любит меня больше! значит, у меня есть соперник *(ходит большими шагами)*. О горе и ярость! *(останавливается)*. Но кто этот ненавистный соперник? — Гриша со своим медведем?.. Да, это он, я уверен... *(шагает)*. Я перехватил некоторые взгляды... *(останавливается)*. Но я отомщу! Вот когда следует смеяться адским смехом! — Ха-ха-ха! *(шагает)*. Моя цыганская кровь кипит в моих африканских жилах! Кинжал... 2 кинжала... яд, ружье... пушка, картечь... заряженная через затвор... *(Останавливается)*. Но нет! я вспомнил, что на чердаке есть огромная шпага времен крестовых походов, она вдвое длиннее. Гриша со своим медведем — это как раз то, что мне нужно — я пригвозжу его как мерзкое насекомое, и неблагодарная не сможет долго наслаждаться своей изменой!

(Он направляется к выходу, Сара останавливает его)

Сцена IV

Сара. Куда ты бежишь с таким неистовым видом?

Алеко. Отомстить за себя!

Сара. Отомстить?

Алеко. Да, отомстить изменнице Мариуле и негодяю Грише с его медведем! Я убью их обоих!

Сара. Что? ты с ума сошел! что общего у Гриши, его медведя и Мариулы?

Алеко. Что общего? Она любит его!

Сара. Кого? Медведя?

Алеко. Да нет! Другого!

Сара. Она тебе это сказала?

Алеко. Этого еще не доставало! Она не захотела признать во мне своего жениха... Она мне сказала: до завтра!

Сара (*разражаясь смехом*). И это заставило тебя предположить, что она не любит тебя больше? — но ведь и я, дурачок, говорю тебе: до завтра! разве мы не накануне нового года?

Алеко. Ну так что же. Мариула мне сказала то же самое... что это значит?

Сара. Это значит, что она, по нашему старинному обычаю, хочет тайком пойти сегодня вечером на гумно — накрыть стол, поставить две свечи перед зеркалом и смотреть в это зеркало до тех пор, пока не увидит своего настоящего жениха, того, что ей предназначила судьба. А до тех пор она не хочет показываться с тобой из страха, что ты не тот, настоящий. — Я застала ее за приготовлениями... и даже хотела тебя предупредить, чтобы разыграть небольшую сценку.

Алеко. И вправду, тетушка Сара, вы меня не обманываете?

Сара. Ага, теперь уже я твоя тетушка! Тогда уйми свой ревнивый гнев и послушай, что я тебе скажу... Но только уйдем отсюда, а то я слышу, что Мариула возвращается, и не надо, чтобы она знала, как мы хотим ее разыграть.

(Сара и Алеко уходят)

Сцена V

(Осторожно входит Мариула. У нее на руке корзинка, в руке она держит зеркало)

Никто не видел меня... Скоро одиннадцать... К полночи надо быть готовой, потому что это начнется в полночь. — Посмотрим, где ключ от гумна?... ах, вот он (*Она достает из кармана огромный ключ*). Никто меня не видел... А какой снег! что ж, пора!

(Она выходит)

2-я картина. Сцена I

(Гумно. Слева стол и стул; на столе две свечи с 2 сторон зеркала. В глубине другой круглый столик. С другим стулом. В углу прялка)

Мариула *(входит с корзиной и лампой в руке)*. Наконец-то я на этом ужасном гумне! Я едва дышу — полагаю, никто меня не видел. — Ах, как холодно — Я бежала, бежала — я застревала по колено в снегу. Я дрожу от холода — не сбежать ли? — Ничего, ничего, мужайся! Ведь должна же я знать, что мой дорогой Алеко наверное предназначен мне в мужья... итак, все по порядку. Я уже приготовила стол, зеркало, свечи... зажжем их... *(она зажигает свечи от лампы)*. Главное, не забыть то, что говорила старуха: только не оборачиваться, что бы ни случилось... смотреть, все время смотреть в зеркало... и не бояться, ничего не бояться! Ах, я забыла скатерть... *(она застилает маленький столик скатертью, которую достает из корзины)*. Вот... вино... пирог... похоже, призраки сладкоежки... Господи! а это что еще такое! я совсем с ума сошла! Это же моя прялка. Я поставлю ее возле стула, и раз полночь еще не наступила, в ожидании буду пряхть, чтобы скоротать время... *(она устраивается)*.

Хор девушек за кулисами

Холодный и белый снег
Падает легкими хлопьями
Будем танцевать до воскресенья
Под звуки наших песен.
Деревенские парни
Прибегут за нами
Северный ветер свирепствует
Мы его не чувствуем.
Ла, ла, ла, ла.

Мариула. Это деревенские девушки, которые так собираются провести всю ночь. Неужели Алеко с ними?

2-й куплет Хора

Пусть у края очага
Старики умирают от скуки
Легкомысленная молодежь
Вызывает у всех у них зависть.
К нам, своенравная толпа,

И пусть наша песня
Зазвенит в дрожащем воздухе
Как хрустальный колокольчик.
Ла-ла-ла-ла-ла

Мариула. Они удаляются... я больше их не слышу (*ветер*). Ах, как ветер дует! (*после ветра*) Что ж, и я попробую немного попеть... чтобы согреться.

(*Она поет*)²

Когда наступает пора цветения
Когда все разом пробуждается
Ручеек на лугу
Соловей в лесу.
Тогда и юная девушка
Встав рано утром
Бежит слушать жаворонка. (*ветер*)

<Мелодрама>

О Господи, не могу продолжать, с этим противным ветром! попробуем еще раз... все разом... итак?

Тогда и юная девушка

Что это значит?

Встав рано утром

Эта скрипка, кажется, смеется надо мной!

Бежит слушать жаворонка.

(*Бьет полночь*). Полночь!.. время пришло... Итак, смелее! (*она ставит прялку в угол, усаживается перед зеркалом и подпирает голову руками*).

Мелодрама

Кажется, я что-то вижу — Нет, ничего — но главное, главное не оглядываться и не бояться, что бы ни произошло (*появляется призрак*). О Господи, что я вижу? (*Призрак делает угрожающие движения и исчезает. Удары там-тама*) Я едва дышу... что мне предвещает это привидение? (*взрыв продолжительного смеха*).

(*снаружи слышится пение*)

Серенада

Ты слышишь ли, моя красавица,
Эти нежные звуки?
Это я зову тебя
Ты спишь... а я жду.

Мариула. Что это? это не голос Алеко... это какое-то наваждение... Не будем оборачиваться.

2-й куплет

Сияющая луна
Поднимается в небеса.
Выйди, моя прелестная,
К твоему возлюбленному.

Сцена 2

Мариула. Не буду слушать... не буду шевелиться... *(мелодрама возобновляется — видно, как появляется Алеко, одетый разбойником, в надвинутой на глаза шляпе, с фальшивым носом, приклеенной бородой и секирой в руке. Подойдя к круглому столику, он делает одобрительный жест, останавливается и ест).*

Мариула. О, как он ест! У меня будет мужем Гаргантюа... но он снова встает... О господи... он приближается! *(с последним аккордом он кладет руку на плечо Мариулы. Она пронзительно вскрикивает. Музыка стихает).*

Алеко *(грубым голосом).* Ты не ждала меня к ужину, малышка? Я ужасный разбойник Пожиратель-всего-без-соли!

Мариула *(бросается на колени).* Пощадите, пощадите!

Алеко *(поднимая секиру).* Нет для тебя пощады, если только ты не обещаешь выйти за меня. —

Мариула. На помощь! я выйду за вас замуж, если вы этого хотите! На помощь!

Алеко. Напрасно ты кричишь... Никто не придет.

Мариула *(закрывая лицо).* На помощь, Алеко!

Алеко *(освобождаясь от всего своего реквизита, своим голосом).* Я здесь... я здесь!

Мариула (*отнимая руки от лица*). Ты?.. здесь? А разбойник?

Алеко (*показывая на свой наряд, валяющийся на земле*). Вот он!

Мариула. Как... это был...

Алеко. Это был я.

Мариула (*поднимаясь*). А огромный белый призрак?

Сцена III

Сара. Это была я!

Мариула. А насмешливая скрипка?

Гриша. Это был я.

Мариула. А серенада...

Цыганки. Это были мы.

Мариула. Ах, какой обман... какой стыд... оставьте меня, дайте мне уйти.

Алеко. Вот еще! а как же наша свадьба? Теперь ты не можешь сомневаться в том, что я и есть твой настоящий жених, ведь ты видела меня в зеркале.

Мариула. Нет, нет, оставь меня.

Сара. Ну, ну, полно ребячиться. Все решено. Тем более что ты любишь его, маленькая выдумщица... Принесите же мне, как велит наш древний и торжественный обычай, кувшин, чтобы я разбила его. ... Сколько осколков, столько лет и жить вам вместе (*ей приносят кувшин, она его разбивает — Все кричат: Осколки!*). А теперь, когда вы стали мужем и женой, пойдем праздновать это радостное событие — за столом. Но сначала повторим наше веселое рондо.

Истинные дети Богемии

¹ В 1899 г. этот хор, под названием «Chœur Bohémien» в аранжировке для женского соло, трехчастного женского хора, тамбурина, треугольника и фортепьяно, был издан в Париже в издательстве Энох (Enoch).

² Четыре первых стиха совпадают с «Couplets du rouet» из оперетты «Последний колдун». Приведенные внутри мелодрамы отрывки мелодии похожи, но не тождественны с «Couplets du rouet» в «Последнем колдуне».